

ЕЛИЗАВЕТА
БЕРЕСТОВА

ЧАРОДЕЙКА ПОВОЛЖЬЯ
ЛЕДЯНОЕ СЕРДЦЕ

Елизавета Берестова

Чародейка Поволжья.

Ледяное сердце

<https://litres.ru/74326987>

SelfPub; 2026

Аннотация

Получить в наследство магическую власть над всем Поволжьем? Легко.

Призвать в напарники самого невыносимого и опасного дуэлянта XIX века? Сделано.

Теперь нам с графом предстоит распутать клубок темных тайн Междуреченска, поймать неуловимого монстра в глухих болотах и не разбиться на замаскированном под спортбайк коне.

Городская магия, опасные дуэли, юмор и детективные расследования в романе «Чародейка Поволжья. Ледяное сердце»!

Содержание

Часть I. Судья и палач Глава 1 Судьба чародейки	5
Глава 2 Трибун трактирный	36
Глава 3 Пропавший Лобзик	58
Глава 4 Ночная охотница на железном коне	96
Глава 5 Исчезновение Шляпочки	124
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Елизавета Берестова

Чародейка Поволжья.

Ледяное сердце

Название: Чародейка Поволжья. Ледяное сердце

Автор(-ы): Елизавета Берестова

Ссылка: <https://author.today/work/639138>

Часть I. Судья и палач

Глава 1 Судьба чародейки

В жаркий послеполуденный час в суши-баре с нежным цветочным названием "Ратозу" было малоллюдно. Обеденные перерывы давно закончились, а вечерние посетители ещё не собрались. За столиком с видом на улицу сидели три девушки, весёлые и нарядные. Они отмечали получение дипломов.

— Лучше бы мы пошли вечером в ночной клуб, — капризно протянула сидящая лицом к окну — невысокая, пухленькая с модельной стрижкой, — а то сидим тут, словно изгой какие!

— Вот и иди, Яночка, — пожала плечами вторая, спортивная и русоволосая. При взгляде на неё на язык просилась фраза про остановку коня на скаку, — нам с Аришей и здесь хорошо.

— Девочки, — не унималась Яна, — у нас сегодня такой день! Мы ж универ закончили, а сидим тут и едим суши, которые и так каждую неделю ели. Отметим, называется!

Русоволосая Лена подцепила палочками ролл с креветкой, окунула в фирменный соус и отправила в рот.

— Значит прямо завтра выходишь на работу? — спросила она у надувшей губы Яны, — контора-то хоть солидная?

— А то! Косметикой прямо из Кореи торгует, магазины

свои в городе, интернет-площадка, — со значением начала перечислять она, — там такие перспективы открываются, прямо сказочные. Может, даже в Сеул пошлют.

— Ну да, — подала голос третья девушка, — копирайтера всенепременнейше за границу отправят. На месте же никак не получится ваши дурацкие слоганы сочинять. Для этого необходимо полное погружение в культурную среду. Да вас вообще скоро нейросети заменят.

Она была высокой брюнеткой. Длинные волосы собраны в девчоночьи хвосты, что вкупе с густой чёлкой и очками в красной оправе делали её похожей на старшеклассницу.

— Уж всяко лучше, чем над тетрадками в школе корпеть! — парировала Яна, — главная мысль произведения, микро-темы, синонимы-антонимы, эпитеты! Слава богу, завтра я позабуду всё это, словно страшный сон. А ты езжай в свой занюханный Междуреченск, поступишь в родную школу, где одиннадцать лет мучилась, и получишь вечный День сурка: уроки, экзамены, летняя практика, первое сентября, — и всё с начала. Кошмар!

— Зачем пошла на филфак, если настолько не любишь профессию?

— Баллов не добрала. Я на факультет журналистики поступала, а хватило только на фил. Зато бюджет. Представляю тебя, Аришка, у доски в твоей клетчатой мини-юбке. Да тебя за неделю нынешние школьнички с потрохами съедят. Или, — она прищурилась, — хуже того, Вороной звать примутся.

А что? — девушка повернулась к Лене, которая ей делала ей "страшные глаза", — Воронцова — такая фамилия, что птичье прозвище напрашивается само собой.

— Умолкни! — Лена шутливо замахнулась палочками на подругу, — поди, сама в школе Мослом была.

— Не была, — показала язык Яна, — моя фамилия Мосолова, а не Мосолова. И потом, я слишком миленькая, чтобы меня обзывали, — девушка захлопала длинными ресницами и сложила губки бантиком.

— Дура! — заклеявила её Лена.

— Да ладно вам, — Арина глотнула ледяного сока, — меня и правда вечно Вороной звали. Не привыкать.

— Зря ты, Рина, от аспирантуры отказалась, — Лена принялась за сашими, — Дмитрий Михайлович на тебя такие надежды возлагал. Я всегда думала, что ты в аспирантуру поступишь и на кафедре преподавать останешься. Ты из всей нашей группы самая умная.

— Я всегда знала, что не останусь, а домой вернусь, — ответила Рина, — у меня же столетняя бабушка ковидом переболела. Уход и помощь нужны. Я хочу жить дома с ней, а работа учителя меня и не страшит совсем.

— Что-то не складывается, — въедливая Яна подалась вперёд, — тебе — двадцать один, а бабушке — сто? Или это просто фигура речи?

— Нет, не фигура, — Рина отбросила хвосты за спину, — просто она моя прабабушка. Вырастила меня и воспита-

ла после того, как родители погибли, — и бросив суровый предостерегающий взгляд в сторону открывшей рот для следующего вопроса Яну, проговорила, — автокатастрофа на Тамбовской трассе. Никаких подробностей не будет, поняла?

Подруга, сделав вид, её ничего и не интересовало, переключилась на Лену.

— В газету пойдёшь работать?

— У меня же целёвка была. Настало время отрабатывать вложенные в меня денежные средства.

— Мечта! — театрально закатила глаза Яна, — специальный корреспондент какого-нибудь захолустного «Вестника Александровска»! Звучит. Внушает. Эксклюзивный репортаж об уборке полувековой свалки мусора на берегу реки, как там у вас? Неважно. Наш корреспондент Петрова Елена передаёт прямо с места событий. Так и вижу нашу Алёночку в кедах, бейсболке с фотиком лазающую по разным неудобьям. А потом ты за дишманским редакционным ноутбуком крапаешь скучные статейки, сетуя на западающий пробел.

Арина сняла очки, и стало видно, что глаза у неё большие и зелёные благородной зеленою нефрита, а брови — тёмные и почти прямые.

— Тебе бы, Янка, романы писать, — девушка довольно кивнула, принимая слова подруги за комплимент, но та продолжила, — только романы эти читать никто не станет, потому что ты злая и завистливая. Во всём всегда норовишь

плохое увидеть. Странно это, у тебя в жизни всё хорошо, откуда столько злобы?

— Откуда? Интересуешься? — Яна поставила бокал с остатками вина, — действительно, — в её голосе звучала неподдельная горечь, — откуда таким, как ты знать про настоящую зависть и злость? — Красотка, даже с твоими идиотскими хвостиками и юбкой младшей сестры. Талант к литературе, врождённое чутьё на язык, происхождение, манеры. А тут, — на глазах подруги выступили злые слёзы — ЗАУРЯД! Понимаешь, я по всем статьям — зауряд.

— И что тут плохого? — чуть скривила губы Рина, — я, к твоему сведению, не выбирала, кем и какой родиться. И способности не через интернет-магазин заказывала. Тебе с моей колокольни грех жаловаться: семья — не из бедных, внешность на уровне, работу по своему вкусу нашла. Чего ещё желать?

Яна набрала в грудь воздуха, чтобы дать достойную ответь, но сделать ей этого не позволил телефонный звонок. Именно самый банальный звонок, а не мелодия рингтона.

— Извините, — она поднялась с места, — это бабуля. Я отойду.

— Защитилась на отлично, — сообщила она, полагая, что бабушка беспокоится о том, как прошла защита диплома. Но в трубке раздался мужской голос:

— Арина Вячеславовна?

— Да, — осеклась девушка. Сердце забило в недобром

предчувствии: чужой голос по бабушкиному телефону ничего хорошего не сулил.

— Ариночка, — снова к ней обратились в трубке, — это Виктор Николаевич, лечащий врач твоей бабушки. Прасковье Григорьевне стало плохо, она у меня в терапии. Будет разумным с твоей стороны как можно быстрее приехать в Междуреченск.

Рина заставила себя сделать глубокий вдох и спросила, изо всех сил сдерживая дрожь в голосе,

— Дядя Витя, что с бабулей? Как она попала в больницу.

— Прасковье Григорьевне стало плохо при выходе из супермаркета, она упала, а добрые люди вызвали скорую, — врач помолчал, — ковид дал осложнение на сердце. Я ей говорил, что надо серьёзно обследоваться, но ведь твою бабушку разве переубедишь!

— И как она? — с замиранием сердца заставила себя произнести Рина.

— Плохо. Стенокардия и острая сердечная недостаточность. Прогноз, боюсь, плохой. Поторопись, Аришка, и держись, духом не падай.

Врач сказал кому-то: "Сейчас", — и повесил трубку.

— Голову даю под отруб, что ей звонит какой-нибудь очередной воздыхатель, правдами и неправдами раздобывший номерок телефона, — со смешком прокомментировала уход из-за стола Яна, — а про бабулю — примитивная отмазка. Она ж всегда скрытничает, пять лет учились и можно сказать

дружили, а я о ней и не знаю почти ничего.

— На воздыхателя не похоже, — Лена обеспокоило побледневшее лицо подруги, застывшее, словно маска, — Рина, что случилось?

— Девочки, — голос Арины звучал глухо и показался подругам простуженным, — моей бабушке плохо. Она в больнице. Я немедленно еду домой.

Девушка вытащила из кошелька две бумажки по пятьсот рублей и придавила своим стаканом:

— Всего доброго, девчата, не исчезайте.

Арина почти не помнила, как добиралась домой. Улыбчивый таксист пытался завести разговор с красивой пассажиркой, но ещё до того, как они миновали объездную дорогу, оставил всяческие попытки. Рина сидела как статуя с прямой спиной и не сводила остановившегося взгляда с плит бетонки.

"Пусть на этот раз всё обойдётся, — повторяла она, словно молитву, — я готова отдать десять лет своей жизни, если только это поможет". Она не знала молитв, бабушка не отличалась религиозностью, да и в храм не ходила. Хотя с отцом Викентием общалась, даже в чём-то там ему помогала.

Автомобиль лихо спустился с холма, миновал новый мост через Алтанку и, петляя по старым улицам, привёз девушку к старым липам парка Центральной больницы.

Корпуса терапевтического отделения белели впереди. Рина почти вбежала на крыльцо.

— Вы к кому? — строго сдвинула светлые бровки медсестра, выглянувшая из ординаторской.

— К Воронцовой, — на ходу бросила Рина.

— Халатик накиньте!

Не попадая руками в рукава, девушка поспешила дальше. Оказавшись в светлом коридоре, она остановилась. С обеих сторон — ровные ряды дверей, похожих как однояйцевые близнецы, с ничего не говорящими ей номерами палат. Рина так торопилась, что даже не спросила, в какой палате лежит её бабушка.

Тут последняя дверь с правой стороны отворилась, и показалась знакомая фигура Виктора Николаевича Макарова. Мужчина махнул рукой, показывая, куда идти.

— Быстро ты, Риночка, — проговорил он привычным бодрым врачебным тоном, — метла не подвела? — пошутил он по своему обыкновению.

Почему-то Арина у него упорно ассоциировалась с булгаковской Маргаритой. Он даже их чёрного кота Прошку именовал исключительно Бегемотом. Тот, естественно, игнорировал свежееобретённое имя, но доктора это не останавливало.

— Как она? — после поспешного приветствия спросила Рина.

— Плохо, — откровенно ответил Виктор Николаевич, мгновенно посерьёзнев. Он был подтянутым и спортивным, а седые волосы и элегантная щётка усов придавала ему

неуловимое сходство с американской кинозвездой прошлого века, — организм изношен. Я сделал всё, что мог. Ну а дальше, решит судьба.

— Прасковья Григорьевна, — проговорил он, отворяя дверь пятой палаты, — к вам тут посетитель рвётся. Пускать?

— Аринушка? — улыбнулась женщина в кровати, — пускай, как же. Я давно жду.

— Бабуль, ты как? — проглотив комок в горле, спросила Рина. Она присела на корточки возле кровати и взяла бабушкину руку.

— Нормально, всё нормально, — Прасковья Григорьевна похлопала внучку по руке. К её кисти тянулась микротрубка от капельницы, — держусь. Витенька, — синие глаза пожилой женщины взглянули на стоящего у двери врача, — оставь нас. Мне с Аринушкой посекретничать нужно.

— Хорошо, только, тётя Паша, умоляю, без глупого геройства. Не садиться и не пытаться демонстрировать торжество духа над брэнной плотью.

— Какое уж тут геройство, — усмехнулась больная, — отгеройствовала своё. Ну, ступай.

Когда шаги заотделением стихли в коридоре, Прасковья Григорьевна велела запереть дверь. Арина послушно повернула защёлку в золотистой круглой ручке и вернулась к бабушке. Они остались вдвоём в одноместной палате. Несколько лет назад больницу реконструировали, отказались от об-

щих палат, завезли современное оборудование и кондиционеры. Даже картины местных художников над кроватями развесили.

— Как защита? — спросила бабушка, чуть приподняв голову, вопреки запрету доктора.

— Отлично, красный диплом, — ответила Рина, с горечью видя, как осунулась Прасковья Григорьевна.

Рина часто думала, что в старости она станет похожа на бабушку. Они обе были высокие и стройные. Бабушка даже после девяноста не утратила прекрасной осанки. Обе они имели чёрные с лёгким каштановым отливом волосы, гладкие и абсолютно прямые. Носы тоже были похожи — изящные с выраженной горбинкой. Только вот глаза у бабушки отливали предгрозовой синевой, а у внучки кошачьей зеленью.

Сейчас же бабушка была очень бледной, щёки ввалились больше обычного, под глазами залегли тени.

— Другого я и не ожидала, — прокомментировала она информацию о защите. Ты — Воронцова, хвалить не стану. Не хвалят за то, что поступила как должно, — и, видя, что внучка еле сдерживает слёзы, твёрдо сказала: — возьми себя в руки. Разговор серьёзный будет. Не так и не сейчас я его планировала. Но, видно, судьба распорядилась по-своему. Сегодня вечером я умру.

— Бабуль! — не выдержала Рина и заплакала, — ну что ты!

— Утри сопли и слёзы и слушай. Выслушай до конца, какими абсурдными не показались тебе мои слова. Я — потомственная чародейка. Мне около двухсот лет. Если быть совсем точной — двести сорок семь. Наш род Воронцовых многие столетия стоит на страже Порядка в Поволжье, а я являюсь главным хранителем порядка в регионе. Срок моей службы подходит к концу. Я передам силу и все полномочия тебе.

Арина была готова услышать всё, что угодно, только не это. Двухсотлетняя чародейка? Порядок! Стражи! Всё это настолько не вязалось с привычным образом Почётного библиотекаря Городской публичной библиотеки, эрудированной, знающий несколько языков (гувернантка настойчивая попалась) и начитанной бабушкой, что девушка невольно подумала о душевном расстройстве. А что? Упала, травмировала голову, или микроинсульт, а, может, даже инволюционный психоз. Возраст всё-таки.

— Баба Паша, — как можно более будничным тоном говорила Рина, — я из самого Саратова в туалете не была, отлучусь на минутку?

— Ступай, деточка, — бабушка прикрыла глаза, — а я пока отдохну.

Рина опрометью бросилась в ординаторскую. Там она застала уже знакомую белобрысую медсестричку с бокалом кофе в руке. Виктор Николаевич сидел за стареньким компьютером с сигаретой в зубах и двумя пальцами заполнял исто-

рии болезни.

— Уже поговорили? — он поверх очков глянул на Рину.

— Дядя Витя, — обратилась Рина, — у бабули с головой всё в порядке? Инсульт, там или инволюционный психоз?

Виктор Николаевич замер, держа руки над клавиатурой:

— Девушка, напомните, вы какой диплом получили?

— Преподаватель русского языка и литературы, — привычно ответила Рина.

— Так вот, Аришенька, рассуждай спокойно о ваших точках с запятой, синонимах — антонимах, а диагнозы представь ставить другим, более компетентным в данных вопросах согражданам. Успокойся. У Прасковьи Григорьевны с рассудком полный порядок, с речательством. Такой памятью и пятьдесят лет немногие похвастаться могут. Ей хуже не стало? — девушка отрицательно мотнула головой, — вот и славно. Не волнуй и не утомляй её.

— Ну как, — бабушка отрыла глаза, как только Рина вошла, — поговорила с Виктором Николаевичем относительно моей нормальности? — и, не позволив открыть рот для вежливого успокоительного возражения, продолжила, — не бойся, не сержусь я. Понимаю, насколько абсурдными показались мои слова! Это в двадцать-то первом веке: чародеи, хранители порядка. И всё же поверить придётся, каким бы сложным тебе это не показалось. Хотела я сделать это в другое время и в другом месте, подготовить тебя. Собиралась этим летом начать. Ведь пока ты училась, мы по выходным

да каникулам виделись. Как тут подготовишь! Но не судьба. Придётся тебе в ускоренном темпе и по большей части своим умом до многого доходить. Но ты — моя правнучка, в тебе есть сила Воронцовых, справишься. Я — главная чародейка Поволжья. Моя цель — сохранение равновесия и порядка между нашим миром и миром духовным. Ты даже не представляешь, насколько не похожа на то, что обычно видят люди. Но как увидишь — поймёшь. Дай мне минералки, пожалуйста.

Рина с некоторым облегчением отошла к маленькому холодильнику и налила в стакан минеральной воды. Наблюдать, как единственный бесконечно дорогой тебе человек сходит с ума было больно. "Если бабушка не пускалась с дядей Витей в разговоры о долгой жизни и судьбе чародейки, возможно, он пока не в курсе её безумия", — подумала девушка, подавая питьё.

— Не веришь, — с привычной ворчливой строгостью проговорила Прасковья Григорьевна, — Аринушка, ты меня огорчаешь.

— Бабуль, — Рина выдавила из себя улыбку, — если так надо, я стану чародейкой. Буду совмещать работу в гимназии и это твоё равновесие. У нас как раз Раиса Сергеевна на пенсию уходит, сказали, меня возьмут с удовольствием.

— О гимназии придётся забыть, — тон бабушки не предполагал возражений. Мы — люди служивые, теперь твой черёд служить пришёл. Тот, кто носит титул Чародея Повол-

жья, сохраняет равновесие между мирами. Он – защитник справедливости, судья и палач.

— Хорошо, бабуль, я постараюсь, — сказала Рина, про себя подумав, что самое последнее дело — пытаться разубедить душевнобольного в чём-либо.

— Постараться! Обратное даже не рассматривается! — воскликнула бабушка и закашлялась, — ты обязана справиться, сделать всё, чтобы не опозорить род Воронцовых.

— Я сделаю всё, только скажи, что именно.

— Сегодня к вечеру я умру, — заявила Прасковья Григорьевна, — умру спокойно. Не реви, даже не вздумай меня оплакивать! Я хорошо пожила, хорошо поработала. Тебя успела вырастить. Силу передам: для чародеев это обязательно – перед уходом силу наследнику отдаёшь. В нашем роду силы немерено. Восемьсот лет копили и умножали. Домой меня не забирай, похоронишь прямо из морга. Отец Викентий тебе поможет. Он, конечно, фигура сложная и неоднозначная, но положиться на него в вопросах погребения можно целиком и полностью. Место на кладбище у меня куплено давно, неподалёку от твоих родителей — так тебе за могилами ухаживать проще будет. Никакого отпевания, поминок, поняла?

Рина кивнула.

— Не кивай, а словами скажи. Слова, они уговор силой наделяют.

— Ни поминок, ни отпевания заказывать не стану, — по-

слушно сказала девушка.

— Ладно. Но это ещё не самое важное. В день погребения до захода солнца тебе надлежит провести ритуал и обзавестись героической душой. Владеть силой и замыкать внутренние магические цепи — сложно и больно, особенно без привычки. Да и не умеешь ты ничего. Знаешь, сколько желающих сыщется неопытную чародейку к праотцам отправить и всю силу рода Воронцовых себе забрать? Это, не считая разных тварей, собратьев которых я и наши предки без счёта зачистили и упокоили. Ведь ты теперь будешь и судья, и палач. Сперва от силы болеть будешь так, что едва до туалета доползать сможешь. Хорошо, что такое длится недолго: от суток до трёх. Но ты оклемаешься, не сомневаюсь. Вот эти три дня без героической души, которая тебя охранять станет, тебе никак не пережить.

Рина хотела спросить про ритуал, чтобы подыграть немножко, но не смогла выдать ни слова.

— Ритуал в Волшебной книге на первой странице найдёшь, — продолжала инструктировать бабушка, — помнишь, книгу в коричневом переплёте, что в моей спальне на столе лежит?

Ещё бы Рина не помнила этой книги. Это была "Книга о вкусной и здоровой пище" 1953 года издания. Она сама частенько пользовалась рецептами из этой книги с красочными фотографиями блюд на цветных страницах вкладки.

— Опять про выжившую из ума старуху, предлагающую

колдовать по поваренной книге, подумалось? — прищурилась бабушка, — Волшебные книги — они на то и волшебные, что посторонним чем-то заурядным кажутся. Кто знает, может твою книгу другие люди томиком манги считать станут. Прямо на первой странице ритуал и найдёшь. Для простоты я ударения все проставила и пометки необходимые для первоначального понимания сделала.

Рина отвела глаза, чтобы бабуля не увидела в них горечи, боли и сожалений по поводу безумия самого дорого для тебя человека. Поваренная книга, призывающая героические души, такое нормальному человеку в голову не придёт.

— Кто тебе отзовётся, не знаю, могу лишь сказать, что связана ты с ним будешь всю свою долгую жизнь чародейки. В тот момент сила моя в тебе полностью оживёт. Как бы много силы не было в роду Воронцовых, принять и пропустить через себя сможешь столько, на сколько хватит собственных возможностей. Ну всё, давай руки.

— Почему ты мне раньше ничего такого не говорила? — Рина медлила, старалась оттянуть "момент передачи силы".

— Берегла тебя. Когда ты знаешь о чём-то, знают и о тебе. У нас так. Приступим.

Арина протянула руки, и бабушка ласково взяла из в свои, совсем как в детстве.

— Тьфу, мешает, — Прасковья Григорьевна резким движением выдернула из кисти руки иглу капельницы, — спокойно, я знаю, что делаю.

Прикосновение бабушки показалось Рине сперва очень горячим и одновременно с тем очень холодным. Это было странное чувство, не разобрать.

— А ведь ты мне не веришь! — с досадой воскликнула бабушка и оттолкнула ринины руки, — не веришь ни на грош. Поэтому и силу я передать не могу. Неверие запирает каналы маны, не получается подключиться к твоим магическим цепям.

— Извини, я делаю, что могу, — Рина уважала и любила бабулю, но едва удержалась, чтобы не закатить глаза: мана, магические цепи. Не будь ситуация настолько трагичной, на язык просилось замечание, что кто-то переиграл в компьютерные игры.

— А можешь ты только сомневаться и считать меня выжившей из ума столетней старухой, — в голосе Прасковьи Григорьевны чувствовалась неприкрытая горечь и разочарование.

Бабушка немного подумала и велела проверить, заперта ли дверь.

— Сейчас я заставлю тебя поверить в мои слова. Прасковья Григорьевна вытащила из волос шпильку – большую, двузубую, из настоящей пожелтевшей кости. Рина всегда ломала голову, откуда бабуля берёт свои шпильки? У неё бывали костяные, черепаховые, а иногда она закалывала свой низкий узел из волос простыми деревянными палочками, — смотри внимательно.

Узкая рука с длинными пальцами сжала шпильку, отчего та рассыпалась в прах, напоминающий сверкающие на солнце снежинки. Прасковья Григорьевна дунула на ладонь и повелительно произнесла только одно слово: «Марфа»!

Снежинки вспыхнули в воздухе мириадами искорок, и в палате появилась Марфа Семёновна – давняя бабушкина подруга. Удивительно придиричивая и вредная старушонка с неизменной химической завивкой на реденьких седых волосах, которые по никому не ведомой причине упорно красила хной в ядовито-апельсиновый цвет. Тётя Марфа, она категорически не желала, чтобы к ней обращались «Баба» или «Бабушка», признавая лишь «Тётя», либо по имени-отчеству. Периодически она объявлялась в их доме: когда проездом от нескольких часов до пары дней, а порой гостила по месяцу. При этом она не упускала случая, изводила Арину многочисленными пространными нравоучениями и просвещала рассказами из истории Древней Руси. Рина полагала, что в прошлом тётя Марфа работала учителем истории и скучала без привычных объяснений и воспитательных бесед.

— Что, Параня, время пришло? — тётя Марфа подошла к кровати, присела в ногах.

— Пришло, — спокойно подтвердила Прасковья Григорьевна.

— Как это? – обрела дар речи Рина, — я понимаю, что сейчас не время и не место для фокусов и розыгрышей, но как Марфа Семёновна оказалась в палате, когда я только что

проверила запёртую дверь?

— Не догадываешься? — прищурилась бабушка, — совсем не догадываешься, даже после того, что я тебе рассказала?

— Говорила я тебе, Параня, что она недалёкая, — удовлетворённо констатировала тётя Марфа, — наплачемся мы с ней!

— Тебе нечего волноваться, — по тону бабушки чувствовалось, слова подруги её задела, — я умру — и ты свободна как ветер. Судьба чародейки — это судьба того, кто ей помогать и защищать станет. Тому и плакать придётся.

— Стойте, стойте, — у Рины голова в буквальном смысле шла кругом, — ты же не хочешь сказать, будто тётя Марфа и есть твоя героическая душа?!

— Догадалась, — усмехнулась бабушкина подруга, демонстрируя ровные белые зубы, — слава богу! Садись, пять.

— Но вы же — просто учительница, — недоумевала Рина, — как вы можете защищать бабушку?

— Ну что, показаться ей что ли? — лениво проговорила Марфа, разминая плечи, — напоследок, на прощанье?

— Сделай милость, — разрешила бабушка.

Женщина вышла на свободное место палаты, бросила взгляд на потолок, словно прикидывая его высоту, и вдруг с ног до головы оделась светлым слепящим пламенем.

Рина вскрикнула и отшатнулась. Через мгновение посреди палаты номер пять стояла молодая незнакомка баскетбольного роста в кольчуге до колен. На голове у неё был ши-

шак, за спиной падал тяжёлыми складками алый плащ, а в руке исходил дымом огромный меч. От прежней, знакомой с детства тёти Марфы, остались разве что огненно-рыжие кудри да недобрый взгляд глубоко посаженных серых глаз.

— В штаны не наложила? — с издевательской заботой поинтересовалась новая Марфа звучным контральто, — а то бывали прецеденты.

— Хватит над девкой издеваться, — подала голос бабушка, — теперь-то поверила?

— Поверила, — выдохнула воздух Рина. Она только сейчас поняла, что просто забыла дышать, — а вы на самом деле кто?

— Марфа Посадница, — женщина в плаще прислонила свой ужасающий меч к холодильнику и преспокойно устроилась на гостевом стуле. Вернее, некое духовное воплощение Марфы Семёновны, но память, чувства и характер сохранены в полной мере.

— Да уж, — подтвердила бабушка, — характер — не сахар.

— Я при жизни хотела спасти своих земляков-новгородцев, для этого заключила союз с литовцами. Была казнена Иваном третьим. Ещё в молодости объединилась с одним из Воронцовых. После смерти была призвана Прасковьей Григорьевной, служила ей верой и правдой больше двухсот лет. А ты всё учительница, да учительница! Я ж тебе историю государства Российского можно сказать из первых рук рассказывала.

Рина просто не знала, что и подумать. Эта Марфа Посадница была реальна, абсолютно, целиком и полностью реальна: от недобро глядящих из-под шлема серых глаз до сапог из мягкой кожи с замысловатой вышивкой по голенищам.

— Можешь спросить чего, коли охота, — милостиво разрешила странная гостья.

— Почему всё время старушкой прикидывались? – выпалила Рина первое, что пришло в голову.

— Я ж говорю, недалёкая, — Марфа со значением постукала пальцем по голове, — такой момент, а её, видите ли, волнует, почему двухметровая баба с громадным мечом не разгуливает по улицам Междуреченска в 2023 году! Потому, деточка, что в истинном своём обличье я стану привлекать избыточное внимание к своей персоне, а ношение холодного оружия без лицензии приведёт меня в полицейский околоток. Ещё что -то?

Арина настолько была поражена и взволнована, что насмешки Марфы её даже не задели.

— А вы могли выбирать, кому прийти на зов? – спросила она.

— Теплее, уже гораздо теплее, — одобрила Марфа, — брала лишь в какой-то степени. Чем больше силы у чародея, тем сложнее сопротивляться зову, то есть он может призвать более сильную душу. Ну, и, конечно, играет роль, с кем контракт.

— Контракт?

— Да, контракт, — ты глупая что ли, или нарочно прикидываешься, чтобы меня позлить?

— Марфенька, — примирительно проговорила бабушка, — разве ты сама не видишь, волнуется она сильно. Не каждый день тебе героические души являются. Огненная она душа, — пояснила Прасковья Григорьевна уже внучке, — стихия её огонь, камень – рубин, птица – петух. Вот она злопамятная, вскидывается без дела.

— Всё верно, — солидно кивнула Марфа, — такая уж я есть, не обессудь! А контракт – значит договор с чародеем. Он тебе при жизни помогает, а ты после смерти ему или его потомкам отслужить должен. Я – огненная мечница.

— А вы при жизни чего попросили?

— Послать, что ли тебя, Аришка, по матери с твоими бестактными личными вопросиками? Но, так уж и быть, отвечу. Ради Прасковей моей не утаю. Власти я желала, чего ж ещё! Власти, да ещё любви такой, чтоб наизнанку выворачивало, чтоб от страсти себя не помнить.

— И?

— Как видишь, получила и то, и другое, и ещё плаху в придачу, как бонус. Литовцем он был...

— Хватит вопросов и ответов, давай руки, — Прасковья Григорьевна будто сбросила несколько десятков лет, — приими силу рода Воронцовых и повторяй за мной голосом и сердцем. Перед миром людей и миром духов, богом и предками клянусь.

Рина ощутила, словно огненный лёд перетекает из бабушкиных рук в её вены.

— Клянусь, — хрипло повторила она. Горло перехватило от странного ощущения непонятной силы, покалывающей по всему телу подобно пузырькам из кока-колы.

— Нести с честью бремя ответственности и службы, не запятнать свою честь трусостью, подлостью, бездействием и ленью.

Рина повторяла слово в слово, с удивлением ощущала, как слова эти вплетаются в силу, отпечатываясь где-то внутри в области сердца.

— Защищать равновесие, стоять на стороне истины, непримиримо бороться со злом и тьмой в любых их проявлениях. Вершить правосудие с беспристрастием и холодной головой.

Поток силы начал ослабевать, а голова бабушки медленно стала опускаться назад, на подушку.

— Наклонись, — прошептала она.

Рина наклонилась, Прасковья Григорьевна ласково взяла её голову руками, долго смотрела в глаза, потом поцеловала в лоб.

— Теперь всё. Ступай, деточка. Сделай всё, как я велела. И не вздумай горевать! Я тогда с того света приду и выпорю как тогда, когда ты щенка учила сальто делать, а он чуть шею себе не сломал! Поняла? Иди, нам с Марфой тоже проститься надо.

Рина кивнула, изо всех сил сдерживая слёзы.

— Вот и хорошо. Прощай, внученька. Ты теперь – Чародейка Поволжья.

Чародейка Поволжья! Просто в голове не укладывается. Рина медленно шла по бульвару. Несколько часов назад она сидела в кафе, и всё в её жизни было понятно и просто: закончилась учёба в университете, впереди — гимназия, обычная спокойная и более или менее счастливая жизнь. Теперь же всё поменялось. Перед глазами стояла Марфа с мечом, а сила всё ещё продолжала ощущаться где-то внутри, хотя уже намного слабее, чем в больнице.

Через сорок минут девушка пришла домой. Когда-то их дом был помещичьим домом Воронцовых, а сама деревня называлась Вороний сад. Аринины предки славились своими садами. Потом землю продали, остался лишь дом да заросший сад с яблонями, грушами и жёлтой сливой. А сам город подошёл к поместью вплотную. Рина добралась до кровати, и рухнула прямо в одежде. "Безвредный укольчик» Виктора Николаевича начал действовать. Врач поймал Рину почти на выходе и, опасаясь за душевное состояние, уговорил уколиться.

День похорон Арина помнила весьма смутно: отвезла в морг всё необходимое для погребения. Хорошо, что бабушка Паша заранее собрала пакет и показала на всякий случай, где он лежит. Потом приехал отец Викентий, довольно молодой, рыжий, с редкой бородёнкой и в больших очках, прида-

ющих ему сходство с сыном, примерившим папины окуляры. Последовали соболезнования, сетования об отказе от отпевания, душеспасительные наставления. Рина отца Викентия недолюбливала, хотя, откровенно говоря, было не за что. Но его веснушчатое лицо с глубоко посаженными светло-кариими глазами почему-то вызывало желание отвести взгляд. Он помог с оформлением документов и организацией самой церемонии. Потом удушающая жара на городском кладбище, горячий ритуальный автобус, и Рина снова оказалась в пустом гулком доме.

Только теперь она вспомнила, что сегодня совсем ничего не ела. Чашка кофе с куском шоколада на еду не тянули никак. Девушка залила кипятком лапшу быстрого приготовления и пошла в спальню Прасковьи Григорьевны, вспомнив про ритуал и поваренную книгу. Солнце переползло в западную часть неба, значит мешкать с обещанным ритуалом не следовало.

"Книга о вкусной и здоровой пище" привычно лежала на круглом столе на чёрной ажурной скатерти ручной работы. "Одна дама из наших предков лет сто назад очень увлекалась филейной вышивкой, — поясняла бабушка, любовно проводя рукой по скатерти, — она обычно дарила их на свадьбу".

За ночь и почти весь день события в палате горбольницы несколько поблекли и даже начали казаться чем-то нереальным, похожим на яркий сон. Арина была почти готова приписать их расстроенному воображению, волнению при защи-

те диплома и депрессии, накрывшей её, когда Виктор Николаевич сообщил о смертельной болезни Прасковьи Григорьевны. Рина забрала книгу на кухню и принялась за лапшу. Проглотив несколько ложек, она раскрыла книгу. Естественно, это была знакомая до мелочей поваренная книга с жирным пятном на первой странице, которое Рина посадила ещё в начальной школе — упала котлета с бутерброда, она пыталась проверить, получится ли у неё полноценный гамбургер из школьной булочки-веснушки и бабушкиной котлеты. Пятно было на месте, предисловие тоже. "Коллектив авторов..." — привычно пробежала она глазами, и облегчённо вздохнула: никакого ритуала само собой "Книга о вкусной и здоровой пище" не содержала.

Рина потянулась за соевым соусом и чуть не выронила бутылку из рук. Первая страница книги разительным образом изменилась. Бумага потемнела и стала больше похожа на высушенную кожу. Пергамент, догадалась девушка. Буквы были витиеватые, слова содержали устаревшие фиту, ять, ер. Правда. Не показалось, не померещилось, не приснилось. Ритуал зова героической души. Есть как-то сразу расхотелось. Рина отодвинула тарелку и погрузилась в изучение текста. Для того, чтобы разобраться в написанном полностью, потребовалось включить ноутбук и переводить некоторые слова и понятия со старославянского.

— Что я творю?! — восклицала Арина, притаскивая в бабушкину спальню серебряный тазик, который бабушка Па-

ша содержала в идеальной чистоте и никогда не позволяла брать, даже для устройства плавательного бассейна для куклы Барби.

Ритуал содержал много пометок, которые были сделаны разными почерками и чернилами разного цвета. Девушка подумала, что их оставили её предки, чтобы последующим поколениям чародеев проще было разобраться. Она сразу узнала аккуратный убористый почерк бабушки. Сильный наклон, длинные хвосты букв и чернила от гелевой японской ручки красного цвета. Для ритуала бабуля советовала откинуть коврик в спальне и воспользоваться набором портновских мелков.

Рина последовала совету. Теперь ей стало понятно, почему Прасковья Григорьевна никогда не позволяла внучке натирать паркет в её спальне. "Чай, не инвалид, пока сама в силах, — смеясь, отвечала бабушка на настойчивые предложения помощи, — справлюсь!" Под ворсистым овальным ковром обнаружился каменный круг, вделанный прямо в пол. Круг был большим, около полутора метров в диаметре, серый камень поверхности носил следы цветного мела, совсем как школьная доска, на которой много писали, а после стёрли влажной губкой. Нашлось объяснение и для набора цветных портновских мелков, которые всегда лежали в ящике бабушкиного комода, хотя сама Прасковья Григорьевна умела разве что пуговицы пришивать. Сверяясь с инструкцией Рина вычертила довольно сложную фигуру из трёх много-

угольников, вписанных один в другой. Она хорошо рисовала, да и швейный сантиметр сослужил ей прекрасную службу. Фигура получилась странная, из тех, что словно затягивают взгляд в глубину.

Девушка с опаской поглядела на клонящееся к горизонту солнце и, сверяясь с книгой продолжила приготовления. Так, что у нас там дальше? Наполнить серебряную ёмкость водой земли. С ёмкостью всё понятно — знаменитый бабушкин тазик, а вода земли — должно быть, вода из колодца или родника. Хотя, впрочем, и вода из крана тоже берётся из скважины в земле. Бабушка приписала сбоку: "Воду возьми в холодильнике, что из Окраинного родника".

Междуреченск, расположенный на слиянии рек Алтанки и Сороки, славился на всю губернию прекрасной родниковой водой, которую щедро дарили многочисленные ключи и источники. Какие-то из них были красиво оформлены и обустроены для культурного отдыха, другие просто обложены камнями, а Окраинный, неподалёку от дома Рины, представлял из себя и вовсе ключ в тени старой ивы. Со второго класса, как только маленькая Ариша поселилась у прабабушки, её обязанностью стало приносить из родника воду для питья. В холодильнике обнаружилась бутылка, которую Рина принесла в воскресенье перед отъездом в Саратов.

В воду нужно было поместить маленькие жертвы духам разных стихий. Сам текст ритуала никаких указаний по этому поводу не содержал, предполагалось, наверное, что вы-

зывающий сам должен знать, что делать. Помогла Прасковья Григорьевна. Она советовала воспользоваться для стирки воды — замороженной мойвой из морозилки (в ней же и лёд), земле пожертвовать гальку, привезённую когда-то маленькой Риной из Анапы, а для огня предполагалось срезать прядь волос и сжечь их прямо над тазиком с водой. Ещё требовался воздух и жизнь. "В шкатулке с ракушками возьмёшь перо по своему вкусу, — писала бабушка, — но помни, от твоего выбора будет зависеть, кто откликнется на зов. То же касается и цветка. Слушай своё сердце, и ничего не бойся. Ты — настоящая Воронцова, ты справишься". Рина вздохнула и полезла в шкатулку. Она полагала, что Прасковья Григорьевна хранит там письма покойного мужа или какие-то ещё памятные вещицы, но шкатулка, привезённая из той же Анапы, под завязку была набита птичьими перьями. Каких тут только не было: от белых куриных до странных, серо-чёрных, с серебристыми проблесками, явно принадлежавших какой-то хищной птице. Из всего этого перьевого изобилия внимание девушки почему-то привлекло небольшое светло бежевое перо с коричневыми и чёрными пестринками. Она знала, это перо неясны. Перо отозвалось в ладони теплотой, словно погладила кота. Кстати, Прохора она не видела ни вчера, ни сегодня. Ну да ладно, потом с ним разберёмся.

В саду отцветали пионы. Их было много. Белые, словно прилепившиеся комья снега, розовые и густо-алые у концов лепестков, а в глубине они прятали благородный оттенок

бордо. Именно такой цветок и сорвала Арина.

По вершинам фигуры в каменном кругу она расставила маленькие ароматические свечи в металлических цилиндриках. Бабушка всегда держала их целую коробку. "На случай отключения электричества пригодятся", — поясняла она. Хотя электричество на памяти Рины отключали всего пару раз, да и то из-за сильной грозы, и они с бабулей использовали тогда туристический фонарь с батареей на сутки, но свечи в наличии были всегда.

Затем в указанной последовательности она без всплеска опустила в воду мойву, камень, перо и цветок. После чего отрезала небольшую прядь волос зажгла её и бросила туда же. Последним аккордом стали четыре капли крови. Прасковья Григорьевна советовала обработать спиртовой салфеткой кухонный нож и руку. "Найди точку, где линия жизни соединяется с линией судьбы и уколи резко и достаточно сильно", — писала она. Рина весьма отдалённо представляла себе всю эту хиромантию, но солнце уже почти скрылось за кронами яблонь, а это означало, что времени справится в интернете нет. Девушка ткнула себя в ладонь ножом, накапала крови в тазик и принялась читать довольно длинное и мудрёное заклинание на непонятном языке. Хорошо, что бабуля позаботилась и расставила ударения.

Рине подумалось, что, если бы ещё два дня назад кто-то сказал бы ей, что она будет сидеть на полу и читать абракадабру над тазиком с мороженой мойвой, цветком, камешком

и плавающим пером, она посоветовала бы поехавшему кукухой не забывать принимать таблетки. Но вот теперь она сидит и читает. Закат окрасил летнее небо нежными оранжевыми оттенками, а заклятие и не думало кончаться. У Рины зарябило в глазах от незнакомых слов, где-то в глубине в животе встрепенулось знакомое ощущение пузырьков от кока-колы, потом накрыла дурнота, такая, что казалось девушку вывернет прямо в тазик. Следом пришла боль, болело всё, что только может болеть: раскалывалась голова, скрутило живот, по позвоночнику пробежали болевые импульсы, ныли все зубы и кости. Рине подумалось, что вот сейчас она просто умрёт. Над тазом начал подниматься пар, мойва ожила вильнула хвостиком и ввинтилась в дно, словно ушла на глубину. Перо красиво распалось золотистыми искорками, камень неожиданно всплыл, зашипел, словно кусок искусственного льда, а пион вспыхнул розовым пламенем и сгорел. Вода вскипела, повалил пар, однако ж он не разлетелся во все стороны, а стоял столбом внутри нарисованной фигуры, словно его удерживали невидимые стены. Преодолевая боль, Рина на чистой силе воли выговорила последнюю фразу и начала терять сознание. Последнее, что на услышала — это всплеск.

— Твою мать! Кипяток! — воскликнул незнакомый мужской голос, прибавив что-то длинное по-французски, судя по экспрессии — ругательство.

Глава 2 Трибун трактирный

Глава 2 Трибун трактирный

Приходила в себя Арина тяжело. Навалилась дурнота и пульсирующая боль в висках. Она попыталась открыть глаза, но ей что-то не давало этого сделать. Этим чем-то оказалось мокрое полотенце у неё на лбу. Убрав полотенце, девушка поняла, что лежит на кровати в бабушкиной спальне. Взгляд Рины приковал к себе бархатный мужской сюртук насыщенного синего цвета, накинутый на спинку кресла. Сверху лежал шелковый шейный платок. Сам же хозяин этих странных вещей обнаружился на диване с недоеденным куском пиццы в одной руке и рининым телефоном в другой.

— Очнулась, наконец, — вместо приветствия проговорил незнакомец. И она сразу узнала голос – приятный, с небольшой хрипотцой и характерным растягиванием гласных. Тот самый голос, что выругался в конце вызова, — вторые сутки уже пошли.

Девушка отложила в сторону полотенце и села. К её удивлению, дурнота и головная боль исчезли без следа, она чувствовала себя совершенно здоровой.

— Я уже измаялся тут со скуки, — продолжал мужчина, отправив в рот последний кусок пиццы, — какому умнику пришло в голову провести ритуал, а расхлёбывать последствия отката оставить, можно сказать, ребёнка. Итак, куда

подевался твой папа?

Немного растерявшаяся от неожиданного напора Рина наблюдала, как незнакомый парень (а на вид ему можно было дать лет двадцать семь – двадцать восемь) сунул ноги в сапоги и стянул с кресла сюртук.

— Насколько я понимаю, вы и есть героическая душа, откликнувшаяся на мой зов?

— Твой? – замер с шейным платком в руках незнакомец, — я не ослышался? Ты сказала: «Мой»?

— Да, — подтвердила Рина, — никого другого здесь нет и не было. Вас призвала я.

— Катастрофа! – шелковый платок был скомкан и полетел куда-то в сторону, — жуть! Ужас! Меня призвала гимназистка. Слушай, подруга, давай ты отправишь меня назад, а себе подберёшь кого-то более подходящего тебе по возрасту: какую-нибудь Снегурочку или там Золушку-Белоснежку.

На Арину с недобрый прищуром смотрели самые голубые глаза, какие встречались ей за её двадцать один год жизни. К глазам прилагалось смуглое аристократическое лицо, словно сошедшее с картины из Третьяковской галереи. Высокий и крепкий брюнет, волосы вьются непослушными прядями.

— Не получится, — Рина уже полностью пришла в себя, — мы с вами теперь связаны на всю жизнь. Я – ваш мастер, а вы – слуга, героическая душа. Вы ведь заключали контракт? Мужчина мрачно кивнул.

— Давайте хотя бы познакомимся для начала. Я – Арина

Вячеславовна Воронцова, Чародейка Поволжья. И так, к сведению, я – вовсе не гимназистка, а взрослая самостоятельная женщина. Мне скоро двадцать два года стукнет.

Собеседник только скептически хмыкнул в ответ. Затем застегнул сюртук и безуспешно попытался придать своим волосам цивилиный вид.

— Граф Фёдор Иванович Толстой по прозвищу Америка-нец, можно – Алеут. К вашим услугам, — мужчина поклонился с издевательской церемонностью, — господи! — пылко воскликнул он, и его сдержанный аристократизм испарился без следа, — чем заслужил я такое наказание! Почему в роду Воронцовых не нашлось ни одного мужика? Почему мне досталась девица отроческих годов, которая изо всех сил пытается доказать, будто она взрослая самостоятельная женщина? А я так надеялся стать слугой чародея моих лет. Ух, с ним бы мы повеселились: вино, карты, жен..., — он осёкся под строгим взглядом зелёных глаз, — получается, про духовную близость, соответствие, внутреннее сродство – всё сказки? Какое у меня может быть соответствие или духовное сродство юным созданием женского пола? Кроме цвета волос – никакого! Эх, Прасковья, Прасковья, подвела ты меня под монастырь.

— Однако ж, как я вижу, вы, граф, вполне освоились, — чародейке надоели сетования. Она забрала свой телефон и кивнула на пустую коробку из-под пиццы.

— Пришлось, — Фёдор уселся на диван, — ещё коша-

ка твоего покормил. Нет, цивилизация в твоём времени на высоте, спора нет. Нашёл пакет корма, насыпал, даже руки не запачкались. У нас обычно котам хлеб в молоко крошили. Что по поводу освоился, — он задумчиво повертел в руке крышку от коробки, где лежала пицца, — я уж не знаю, каким макарон, только мне много чего о вашей жизни известно. Должно быть, во время вызова часть твоих знаний мне передалась. Не взыщи вот, пиццу заказал за твой счёт. В холодильнике ничего порождающего желание съесть не нашлось. Мороженая мелкая рыбёшка, как я понимаю, предназначается коту.

Арина осознала происходящее. В её доме обосновался парень из девятнадцатого века, но после Марфы Посадницы она ничему уже не удивлялась. Вместе с этим накатило чувство утраты. Хоть бабуля и наказала не горевать о ней, слёзы, не спрашивая ничьего разрешения навернулись на глаза.

— Ты колдовать-то умеешь? — в голосе Фёдора слышалось откровенное сомнение.

— Пока нет, — Арина вытерла слёзы, ей почему-то было неприятно признаваться в своей некомпетентности, — но я обязательно научусь. В моём распоряжении бабушкина Волшебная книга, то есть теперь это — моя Волшебная книга.

— Ага, ага, — скривился Фёдор, — научишься, и лет через сто я смогу гордиться своим мастером.

Это замечание было последней каплей.

— Если вы полагаете, будто я в восторге от своей героиче-

ской души, то глубоко заблуждаетесь, — вспыхнула чародейка, — даже не знаю, какая от вас может быть польза: дуэли в наше время запрещены, в кругосветное путешествие я пока не собираюсь, в карты играть ни во что, кроме «Дурака» не умею. Вина почти не пью, а мне откликнулся:

Буян,

Картежной шайки атаман,

Глава повес, трибун трактирный...

— Трибун трактирный?! — изогнул смоляную бровь слуга, — это, возьму на себя смелость поинтересоваться, вы изволили процитировать известного поэта по случаю глубокого разочарования в моей персоне?

— Я все лишь, граф, апеллирую ко мнению ваших друзей, — в тон ему ответила немного успокоившаяся Арина, — эти слова вам посвятил Александр Сергеевич Пушкин.

— Сашка? — не поверил он своим ушам, — ну, брат, удружил! Да если б его не застрелили, своими руками бы придушил! Придумал же такое. При жизни никогда не говорил, что эти пасквильные строчки обо мне. Понимал стервец, что ничего хорошего не выйдет. Да, ладно, всё это — дела давно минувших дней. А мы-то с тобой что делать станем, мастер?

— Сотрудничать, — постаралась как можно более солиднее произнести Арина, — плодотворно сотрудничать и работать на благо России.

Американец снова скинул сюртук и завалился на диван, всем своим видом показывая, что ничего делать он не наме-

рен.

— Сказано прекрасно, однако, колдовать ты не умеешь, — мужчина демонстративно загнул один палец, — в чём заключаются твои обязанности, как Чародейки Приволжья, ты представляешь себе весьма смутно. В лучшем случае – в общих чертах, — он загнул второй палец, — и жизненного опыта у тебя – кот наплакал-нарыдал.

Он многозначительно показал все загнутые пальцы.

— Только Поволжья, — по привычке филолога поправила девушка, — и с чего вы взяли, будто я вообще ничего не знаю?

— Легко, — усмехнулся Фёдор, — как правило в иностранные и неопределённые рассуждения о сотрудничестве во благо кого-то, либо – чего-то склонны пускаться люди, имеющие недостаток компетентности. Я прав?

— В целом, да, — неохотно признала чародейка, — несколько дней назад я даже не предполагала, что на белом свете есть героические души, волшебство и всё такое прочее. Вы же для меня были исторической личностью, и всё. Теперь вы здесь, и тоже не рады, что вас призвала именно я.

— Не рад, совершенно не рад, — подтвердил Фёдор, мрачно поглядывая на девушку, — я считал, что заслуживаю большего. Хотя бы знающего чародея, на худой конец. С другой стороны, — он чуть наклонил голову набок, — у тебя хватило силы призвать именно меня, значит – потенциал есть, силы довольно. А угробишься по незнанию – освобо-

жусь, пусть контракт и не закрою, получу второй шанс быть призванным приличным мастером.

— Решили от меня избавиться? — зло проговорила чародейка, — не помогать?

Фёдор Толстой задумался, потом его лицо исказила гримаса боли.

— Нет, не смогу я. Контракт не позволит, да и девицу в беде бросать не годится. Поживём — увидим, глядишь, сработаемся. А пока скажи-ка мне Воронцова Арина, на какие средства мы с тобой жить станем? У тебя капитал имеется?

Арина отрицательно покачала головой. Бабулины сбережения она могла получить только к зиме.

— Понятно.

Однако ж, что понятно было графу Фёдору Ивановичу Толстому по прозвищу Американец, услышать Арине в этот раз не удалось, его прервал звонок в дверь. Чародейка сразу поняла, что пришёл отец Викентий. Только он умел так слитно дважды жать не кнопку, отчего отдельные звуки звонка сливались практически в птичью трель.

— Это пришли ко мне, — сказала Арина, вставая. Пожалуйста, посидите тут, в спальне, пока я не провожу гостя. Мне будет непросто объяснить отцу Викентию, что делает в нашем доме человек в костюме позапрошлого века.

Фёдор кивнул, беря со стола томик Тургенева. Прасковья Григорьевна любила перечитывать «Дворянское гнездо».

— Как вы, Аринушка, — участливо поинтересовался при-

шедший, — справляетесь?

Девушка кивнула.

— Я, можно сказать, к вам с официальным визитом.

Из небольшой сумки, подозрительно напоминающий планшет военного, он вытащил туго свёрнутую бумагу, с которой свисала сургучная печать с позолоченным двуглавым орлом.

— Вот ваши верительные, — мужчина встал и поправил воротничок, — Викентий Константинович Тимонич – инквизитор, наблюдатель и куратор Чародея Поволжья, — он старомодно поклонился, — имею честь передать вам присланные из Санкт-Петербурга бумаги. Просмотрите документы.

Арина сломала печать и развернула два хрустких листа с водяными знаками. Первый – указ его императорского величества Александра VI о её назначении на должность чародейки с установлением жалования в размере суммы, что превзошла самые смелые Ариныны мечты. Вторым оказалось уведомление в том, что ровно через год Арина Вячеславовна Воронцова должна будет на специальном испытательном экзамене подтвердить своё право на должность Чародейки Поволжья.

— В чём заключается испытательный экзамен? – она подняла глаза на отца Викентия.

— До этого события ещё дожить надо, — совершенно серьёзно ответил инквизитор.

Пока главная задача — освоиться, выполнять свои обязанности и не нарушать законов Российской империи. Потом и с экзаменом разберемся.

Рина не подозревала, что в её родном государстве имеются законы, регламентирующие деятельность чародея.

— И не только чародея, — уточнил отец Викентий, — все магические существа и сущности обязаны блюсти законы и правила, регламентирующие их взаимодействие в обществе.

Он сообщил, что прислал логин и пароль для Арины на ноутбук бабушки.

— У бабули был ноутбук? — искренне удивилась девушка. Она никогда не видела Прасковью Григорьевну за чем-то подобным. Обычно, бабушка ругалась даже на сотовый телефон, именуя его «шайтан-коробкой».

— Естественно, — инквизитор поглядывал по сторонам, словно не видел чего-то, что ожидал, — поищите — найдёте. Законы и правила эти выполнять строго обязательно. Силой своей не шутите, людям её не показывайте. Если кто к вам обратится, помогайте без сомнений и не смотрите на личности. Виновных — карайте без сожаления. На днях вам ещё бумаги от Охранного отделения поступят. Знаете, — он поправил очки, — у них иногда магические преступления случаются, вот тогда ваша помощь и потребуется. Оплата у Охранки сдельная, но для чародейки — не поскупятся. Вы одна? — вопрос был неожиданным, и Арина растерянно кивнула, — а то мне на втором этаже вроде какой-то шум по-

слышался?

— Это я стул чуть не уронил, — через перила наклонился парень с волосами по пояс, — Аришка, представь меня.

По лестнице шагал Фёдор. Он был бос, облачён в рваные вылинявшие голубые джинсы, чёрную футболку с натуралистично нарисованными костями грудной клетки и алым сердцем, проткнутым сияющей розой. Довершением маскарада служили многочисленные сложные татуировки, они сплошь покрывали руки от кистей до бицепсов.

— Фёдор, — Рина на ходу принялась придумывать, кто он, — мой кузен из Златоглавой. У бабушки был брат, который погиб в первую мировую, вот Федя – его потомок. Приехал на похороны, но опоздал.

— К вашим услугам, — поклон, элегантно переброшенные за спину кудри.

— Викентий Константинович, — сам представился инквизитор, — хороший знакомый покойной Прасковьи Григорьевны. Вы её знали?

— Конечно, — Фёдор уселся верхом на стул, — приходилось встречаться. Удивительная женщина была. Непонятно только, как она внучку именем дворовой девки назвать позволила, добро бы ещё Алина, а то – Арина!

— Вы по какой части служите? – отец Викентий внимательно и не без некоторого осуждения взирал на странного кузена.

— Полковник Преображенского полка государя импера-

тора Александра, — ответил Фёдор неуместно и отдал честь.

— С такой-то причёской? — в голосе инквизитора прозвучала неприкрытая издёвка, — шутить изволите?

— Как вы смеее ставить под сомнение слова дворянина и офицера? — в голубых глазах героической души полыхнуло пламя.

— Викентий Константинович, не слушайте его. Он сисадином в Преображенском служит, компьютерщик Федя у нас. Просто любит перед незнакомыми людьми порисоваться, — Арина попыталась взглядом дать понять Фёдору, чтоб смолк.

Инквизитор снял очки, посмотрел на просвет, будто хотел убедиться в их чистоте, потом надел на нос и сказал серьёзно и веско:

— Ну, детки, поиграли и будет. Вижу, Ариночка, вы душу призвали. Офицер, я понимаю, что вы, но не понимаю, кто вы. Деятнадцатый век, гвардия государя. Представьтесь.

— Я должен представляться каждой незнакомой роже, запытившейся в твой дом?

— Фёдор Иванович, — устало произнесла Арина, — я ни на секунду не сомневаюсь, что вы слышали каждое слово из нашего разговора с господином инквизитором.

Толстой провёл пятернёй по непослушным кудрям и вскинул бровь:

— Слышал, но будь я обычным кузеном, значит и представляться не надо?

Отец Викентий скривился, что можно было принять за неодобрительную улыбку, встал и представился по всем правилам этикета. Фёдору пришлось сделать то же самое.

— Отлично, Аринушка, гораздо лучше, чем можно было ожидать при данных печальных обстоятельствах, — заключил инквизитор, — вам предстоит много работы. Изучайте бабушкину волшебную книгу и не забывайте про ноут. Полагаю, Прасковья Григорьевна и там для вас что-то полезное припасла. Вы, полковник, по первому времени оберегайте Арину Вячеславовну, не позволяйте особо геройствовать, риск — он у всех Воронцовых в крови. И ещё, граф, полностью щеголять в непотребном виде, покажитесь, какой вы есть.

Фёдор хмыкнул, провёл руками по футболке и в мгновение ока перекинулся в дворянина начала девятнадцатого века. Рина узнала знакомый синий сюртук, даже шейный платок оказался завязанным мудрёным узлом меж неудобных высоких уголков крахмального воротничка шёлковой рубашки.

Последовал приличествующий случаю поклон.

— Святой отец довольны? — однако ж издёвка из голоса никуда не делась.

— Не стоит награждать меня чужими титулами, — холодно и спокойно ответил отец Викентий, — извольте обращаться ко мне по батюшке. Это вполне уместно. И подберите себе для выхода более стандартный облик. Кузена-преображенца одобряю. Хорошая легенда.

Инквизитор на том откланялся.

— Вид ему мой, извольте ли видеть, не угодил! – взорвался Фёдор, как только отец Викентий вышел за дверь, — отвратительный тип — *le lignage desloiat et felon*, он думает, будто его принадлежность к Инквизиции даёт ему право указывать чародейке и, уж тем паче, СЛУГЕ!

— Вы сейчас по-французски выругались? – невинно поинтересовалась Рина.

— Девице таких слов знать не полагается, — важно заявил Фёдор, — я просто констатировал его захудалое происхождение. Я что, действительно, так плох?

Перед Риной снова появился длинноволосый парень в футболке и джинсах.

— Несколько вызывающе, — дипломатично обошла острые углы чародейка.

— В твоём телефоне видел, говорят – модный стиль. И футболки такие в мнимом магазине продают.

— В мнимом? – не поняла Рина.

— Ну, да, мнимом, — тряхнул Фёдор кудрями, — товары есть, цены есть, купить как-то тоже можно, но не потрогать, ни надеть это платье нельзя.

— Вы про интернет-магазин говорите, — улыбнулась Арина, — выбираешь в телефоне, платишь, а покупки после тебе либо домой привозят, либо в специальном месте получить можно.

Фёдор кивнул, понял, что это – как пиццу заказать.

— Пожрать бы.

Арина вспомнила, что в холодильнике кроме куска сливочного масла и мороженной мойвы — шаром покати.

— Сейчас в магазин схожу, — девушка встала, — у нас супермаркет до двадцати двух работает.

— Я с тобой, — Толстой посмотрел на сгущающиеся за окном сумерки, — пока какая сволочь к тебе не пристала по вечерей поре.

Рине нужны были гигиенические прокладки, а общество молодого полковника из позапрошлого века не подходило для этих целей категорически, поэтому она сказала:

— Магазин не особо далеко, а вам лучше пока подработать свой внешний вид, а то на такие волосы, дырявые штаны и набитые рукава люди на улице оборачиваться станут. И рост ваш тоже...

— Рост чем не угодил? В Преображенский полк берут только выше шести футов, и желательно, чтобы дюймов после футов поболее набралось, — прямые чёрные брови недовольно сошлись над переносицей, — прошу великодушно, пардону, но рост изменить не могу, как и цвет волос.

— Хотя бы татуировки уберите.

Толстой ответил, что татуировки ему набил алеутский шаман, они ритуальные, особо почётные и являются его неотъемлемой частью, посему никуда он их деть не может, и не собирается, даже если бы и смог.

— В девятнадцатом веке все их съели, в вашем двадцать

первом тоже обойдутся. Кому не гоже, пускай не смотрят.

Потом он потребовал, чтобы девушка подробно объяснила, какой дорогой пойдёт в «Магнит». Пришлось включить ноутбук и показать по карте.

— А это что такое? – Фёдор ткнул пальцем в экран.

Его внимание привлекло Алтаново ущелье. По легенде шаман самого хана Бату во времена нашествия выбрал для стоянки место на крутом обрыве, под которым бил родник с удивительно чистой и вкусной водой. Овраг стал называться Алтановым ущельем, сам родник – Алтановым ключом, да и город, основанный монголами – Алтанаем. Когда государыня Екатерина II подписывала указ о признании Алтана городом, ей не понравилось название. «Татарское какое-то», — нахмурилась императрица, зачеркнула и своей рукой написала «Междуреченск». Всё это Рина кратко поведала Фёдору и добавила, что овраг с крутыми склонами за века превратился в балку, там устроили парк с зоной отдыха, купелью, детскими площадками и спортивными снарядами.

— Кругом фонари, — проговорила девушка, беря с собой сумку для покупок, — полиция регулярно патрулирует. У нас хулиганов нет. Вы что поесть хотели бы?

— Стейк из говядины, французский хлеб, шампанское лучше всего «Мадам Клико», на худой конец – «Моэт», — последовал ответ.

— Говядину не обещаю, а вот курицу – пожалуйста, — немного смешалась Рина.

— Сойдёт, — буркнул Толстой, — но хлеб и шампанское — обязательно. И обещай, при малейшей опасности — зови меня.

— И что? — усмехнулась Рина, — явитесь передо мной, как лист перед травой?

— Примерно так, — серьёзно проговорил Американец, — помрёшь, контракт не закрою. Да и плохо мне будет. Твой инквизитор совсем не прост. Сила в нём. Сдаётся мне — чародей он.

— Отец Викентий? — не поверила своим ушам Рина.

— Он самый. И чародей он сильный, хотя прячет свою силу, чтобы никто не мог определить, каков он в деле. И кажется мне, человек он опасный.

— Ну всё, — девушка бросила взгляд на настенные часы, — побежала. А то голодными останемся.

— Обещай, что не попрёшься через это своё татарское ущелье, — слуга опёрся рукой о косяк над головой Рины.

— Там же ближе! — попробовала она воззвать к рациональности, — минут двадцать выигрыша.

— Ты не пойдёшь через овраг, и всё. Хочешь, извозчика нанимай, но в это ваше ущелье, даже не вздумай соваться. Или я очень огорчусь.

«Разговаривает со мной, как будто я ребёнок», — подумала чародейка и кивнула.

На улице стоял прекрасный летний вечер. Обычные июньские дожди уже закончились, а обязательная Волжская жара

ещё не началась. Цвела белая акация, стручковые деревья, воздух был напоён ароматами цветов, что во множестве радовали глаз на клумбах возле домов Междуреченска.

В супермаркете девушка купила всё необходимое. Конечно, ни «Мадам Клико», ни этого второго шампанского на букву «М», название которого вылетело из головы, не успела чародейка выйти за калитку, в «Магните» не оказалось. Сотрудница, расставлявшая на полки товар, странно на неё, посмотрела и посоветовала другое. Рина взяла бутылку с названием «Абрау-Дюрсо» и, подумав, добавила пачку чипсов. Баба Паша была категорической противницей всяческих снеков, считала сухарики, чипсы и «Кока-колу» продуктами нездоровыми, поэтому они попадали под запрет.

Сумка оказалась довольно увесистой. Девушка шла по улице и думала о Фёдоре Толстом. Она пыталась припомнить всё, что слышала об этой легендарной личности. Естественно, на филфаке она просто не могла о нём не слышать: Зарецкий, Долохов, и многие другие персонажи классической литературы, вдохновлённые образом знаменитого брётёра. Но это всё были герои романов, а каков же ты на самом деле, Фёдор Толстой Американец?

Улица поворачивала к Алтанову ущелью. «Пусть Фёдор считает, будто я пошла в обход, — усмехнулась Рина, — командир выискался. Самое время присесть и посмотреть в Интернете, что о вас, господин полковник, известно на самом деле».

В Алтановом ущелье всё было, как обычно. Медленно прохаживались молодые мамыши с колясками, кто-то выгуливал собак, вопили ребятишки на «Площадке молодняка». Рина присела под спускающимися шатром ветками старой плакучей ивы и погрузилась в чтение.

С каждой прочитанной фразой её настроение падало всё ниже и ниже: жесток, злопамятен, никогда не забывает обиды, мстителен до маниакальности, азартен, не чист на руку, обманщик, гуляка и пьяница. О таком слуге можно только мечтать! Первое кругосветное, — читаем дальше, — перессорил команду, был высажен на Камчатке. Но самое ужасное – предположительно сожительствовавал с обезьяной, которую впоследствии убил из-за укуса.

В глазах потемнело. Конечно, Арина прекрасно понимала, что всему в Интернете верить нельзя, что много какие гадости пишут об известных людях, но Фёдор не был ни политиком, ни кинозвездой, и рок-певцом. Не было резона порочить и дискредитировать репутацию человека, умершего без малого двести лет назад. И как теперь себя с ним вести? Можно ли доверять тому, кто утверждал, что стал почётным людоедом?

Убрав телефон, Арина поняла, что в парке стало совсем темно. В ущелье всегда было темнее из-за высоких склонов, да ещё и поросших деревьями, но теперь почему-то погасли даже фонари.

«Наверное, электричество отключили», — подумала Ари-

на и решила вернуться через город, где посветлее. Она взяла сумку и вышла на дорожку. К её удивлению «волшебные» камни дорожки (на деле это были цветные стекла, вделанные вместо некоторых тротуарных камней) продолжали светиться, создавая небольшой освещённый путь. В парке не было никого.

«Скорее всего, люди разошлись, когда отключили электричество», — решила чародейка. Она двинулась к выходу. Навстречу ей по светящейся дорожке шёл парень с большой собакой на поводке. В темноте определить породу было сложно, что-то не особо опрятное, лохматое, похожее на ирландского волкодава. Парень шёл прямо на Арину, даже не думая сократить длину поводка. Девушка решила сама сойти с дорожки, очень уж не понравилась ей лохматая псина с белеющими в темноте клыками. Она уже готова была сделать шаг в сторону, как собака и хозяин слились в единое целое, раздался рык, и тёмное лохматое нечто, размером с пони, бросилось на Рину. На чистых рефлексх девушка уклонилась, сумка полетела в сторону. Существо помотало головой, неловко развернулось и уставилось горящими глазами на чародейку. Рина поняла, в следующий раз оно не промахнётся. «Ты ж – чародейка, — слышался в голове голос бабушки, — Воронцова, действуй!» Как? Рина единственное, что успела прочитать в бабушкиной волшебной книге, — это заклинание вызова, из которого она ни слова не вспомнила даже под угрозой немедленного расстрела. Чудовище не

спешило, оно считало, что жертве деваться некуда. Арине вдруг вспомнилось, что в компьютерных играх волшебники непременно умеют ставить магический щит. Она подняла руку и представила, что создаёт вокруг себя сверкающий кокон. Зверюга взвыла и ринулась в атаку. К удивлению Рины, кокон сработал, существо не смогло дотянуться до чародейки, хотя она и ощутила жар от пасти и видела вполне материальные слюни, стекающие по щиту. Сколько она сможет так продержаться? Нужно выходить к проспекту, не может же это чёрте-что нападать на людей прямо в людном месте? Чёрте-что словно прочитало эти мысли и, обойдя чародейку по дуге, отрезало ей пути к отступлению. Пробороздив когтями по камням, оно выворотило несколько плит и приготовилось к очередному нападению. Рина чувствовала, что силы её тают, щит поблек и как-то истончился. Видел это и противник, он ждал, пока жертва останется без защиты. Рина мысленно позвала Фёдора.

Мгновенно возникла знакомая высокая фигура, откуда-то в его руках образовались два огромных пистолета, грянули два выстрела, слившиеся в один, существо было отброшено метра на два и больше не шевелилась.

— Попёрлась-таки через овраг! — обвиняюще проговорил Толстой, — не послушалась. И вот результат, — он пошевелил носком сапога лежащее бесформенной грудой нечто.

Арина опасливо подошла, в парке загорелись все фонари, и она ясно увидела в кустах снежнoгoдника настоящего

чёрта, словно сошедшего с иллюстраций Билибина: лохматого, с копытами и свиным пяточком. Длинный хвост с кисточкой на конце обвился вокруг тела, а в груди зияло месиво из костей и внутренностей. Чёрт был бесповоротно и окончательно мёртв.

— Кто это? – почему-то шёпотом спросила Рина.

— Я полагаю, перед нами – бес, — квалифицировал нападавшего Американец.

— И что теперь делать? – беспомощно проговорила чародейка, ощущая, как начинает тошнотворно кружиться голова, — не можем же мы просто оставить тут валяться это чучело.

— Да, — согласился Фёдор, — дохлятину лучше убрать. Звони своему инквизитору, докладывай.

Отец Викентий совершенно не удивился, словно ожидал чего-то подобного. Он успокоил, что убитого беса простые люди не увидят, а он позаботится обо всем остальном. При этом посоветовал им обоим как можно скорее вернуться в дом Воронцовых.

— Там защита, — пояснил Викентий Константинович, — чтоб сунуться, очень большую силу и смелость иметь нужно.

— Фёдор Иванович, — Рина опустилась на землю, — что-то мне совсем худо, я сейчас сознание потеряю. Даже не знаю, что со мной. Перепугалась что ли.

— Зато я знаю, — слуга легко подхватил девушку на руки, — я ж твоей маной стрелял. Это, по сути, ты беса убила,

а я – инструмент, оружие. Где покупки-то? — он увидел валяющуюся сумку и взял её, — эх, опять мне тебя, Аришка, на себе таскать. Он воровато оглянулся, подпрыгнул и взмыл в ночное летнее небо.

Глава 3 Пропавший Лобзик

Рина просыпалась как-то тяжко, словно проворочалась до рассвета, а теперь пора вставать в универ к первой паре. Потом пришло понимание, что никуда идти не надо, а вместе с этим ожило воспоминание о отвратительной клыкастой твари, напавшей на неё вчера в Алтановом ущелье.

Девушка рывком села. Занавески в спальне были задёрнуты, но это совершенно не мешало Фёдору читать книгу. Слуга сидел в кресле, закинув босые ноги на письменный стол Арины.

— С добрым утром!

Американец учёл пожелания и подкорректировал свой внешний вид. Волосы, по-прежнему буйно выющиеся укоротились и были собраны в низкий хвост при помощи розовой арипиной резинки. Рваные и вытертые до безобразия джинсы он заменил на длинные широкие шорты светло-бежевого цвета с обилием карманов, а вместо вызывающей футболки с костяком на Фёдоре была банальная клетчатая рубашка, тоже широкая и удобная. А возле кресла ещё стояли сланцы.

— Ну как, мастер, ты довольна? В таком виде я сойду за московского кузена-компьютерщика?

— Да, очень хорошо, — несколько отстранённо ответила Арина. Ей вспомнились статьи из интернета, где в ярких красках расписывались художества Фёдора при жизни. Бы-

ло неудобно и как-то страшновато. Фраза о мстительности и злопамятности буквально не выходила из головы.

— Пошли завтракать, — парень отложил книгу, — я от неча делать курицу пожарил.

— Благодарю, — ответила чародейка, избегая смотреть в голубые нахальные глаза. Вот только умоюсь и приведу себя в порядок.

Краска стыда залила её лицо, она была одета лишь в трусы и майку. Это означало, что кто-то снял с неё джинсы, футболку и бюстгальтер, в которых она сражалась с бесом вчерашним вечером. И этим кем-то, естественно, был Фёдор Толстой по прозвищу Американец, можно просто Алеут.

— Зачем вы раздели меня?

Фёдор подошёл и, взяв за подбородок, заставил посмотреть в глаза, хотя Рина пыталась отвести взгляд.

— Давай-ка проясним ситуацию. Вчера ты подверглась нападению беса, доблестно защищалась и вовремя вызвала меня. Так?

— Так, — девушка осторожно высвободилась и отступила на шаг.

— Ты потратила слишком много силы и потеряла сознание, припоминаешь?

Кивок.

— Я доставил тебя и сумку с продуктами домой. Уложил спать. Ну не в джинсах же было тебя оставлять! Или, ты, никак, смущена, что посторонний мужчина лицезрел твои пре-

лести? — красивое смуглое лицо исказила глумливая усмешка, — видал я и получше. Успокойся. Ты совершенно не в моём вкусе. Не люблю худых и высоких. А тонкие ноги нравились в наше время одному лишь Саньке, что страдал по недостаточной стройности конечностей в России.

Арине, конечно, было слегка обидно, что Толстой не особо лестно отозвался о её внешности, которой завидовали почти все девчонки как в школе, так и в универе. Не модель, понятно, но на фестивале косплея в Самаре её очень даже фотографировали, а на сайте называли «Мисс Анимэ» фестиваля. Да ещё спрашивали, свои ли такие чёрные волосы. Арина гордо сняла заколку и продемонстрировала гриву во всей красе.

— Что молчим? — Фёдор потряс её за плечо, — откат? Не проснулась?

— Всё хорошо, спасибо за помощь. Я умоюсь и спущусь в гостиную.

— Ладно, — он пожал плечами, прихватил томик Тургенева и вышел за дверь.

Пока Рина принимала душ, она напряжённо думала, что ей делать дальше. Делать вид, будто ничего не произошло, и она не в курсе жизненных перипетий своего «трактирного трибуна» было выше её сил. Но и доверять ему она не могла. А ведь им необходимо доверять друг другу. Бабушка с Марфой Семёновной были душевными подругами, а ей достался аморальный тип, пьяница и извращенец (в мыслях

предательски всплыл орангутан).

Так и не придя ни к какому решению, чародейка пошла завтракать.

На столе уже стояли тарелки с порциями запечённой курицы, нарезанными помидорами, а Фёдор доставал из пакета тостовый белый хлеб.

— А это что за гадость? — он кивнул на надкусанный кусок бородинского чёрного с семенами кориандра по румяной корке.

— Вы же вчера французский хлеб просили, — ответила Арина, — так вот он.

— Это? — несколько театрально воскликнул Алеут, — полагаешь, эта жёсткая кислая дрянь из ржаной муки может считаться французским хлебом? — Рина кивнула, — нет, вас явно обманули. Французский хлеб — белый, мягкий и воздушный внутри с румяной хрусткой корочкой, а это — не взошедшее тесто какой-то криворукой крестьянки, давно не получавшей тумачков от мужа.

Рина села за стол и демонстративно отрезала себе кусок бородинского. Она не собиралась вести кулинарные дискуссии, а хотела просто поесть. Курица, к слову, у Фёдора удалась. Девушка с удовольствием жевала нежное мясо голени, заботливо положенной на её тарелку. И поглядывала на слугу.

Тот без стеснения вылил в бокалы остатки шампанского, выпил свой залпом и принялся за еду.

— Как тебе?

— Вкусно, даже очень вкусно.

— Этому рецепту меня научил алеутский вождь Энгил, он прекрасно готовил человечину.

Арина чуть не выплюнула курицу на тарелку. Выходит, про каннибализм тоже не соврали.

— Ты что? – не понял Толстой, — я ж пошутил! Ешь, вождя Энгил я, конечно, знал, но людей они в девятнадцатом веке не ели. По крайней мере, при мне. Чего так смотришь, я, правда, шутил.

— Фёдор Иванович, — проговорила Рина, отложив вилку, — боюсь, я не смогу полноценно сотрудничать с вами. Я очень благодарна вам за спасение от беса, но будет лучше, если мы найдём бабушкин ноутбук и попытаемся попросить помощи для смены мастера и слуги.

Фёдор с сожалением посмотрел на опустевшую бутылку «Абрау-Дюрсо», потом спросил:

— Обиделась на меня, что ли? В чём дело? Ну раздел тебя, уложил. Ну, просидел всю ночь в твоей спальне. Великое дело! Я ж боялся, что тот, кто бесяка на тебя натравил ещё что-нибудь учудить попробует. Да устраиваешь ты меня, Аришка. Хорошая ты девка, да у Прасковьи другой внучки и быть не могло. Сила есть, а управляться с ней научимся, не боги горшки обжигают.

— Только вот вы меня не устраиваете, — собравшись с духом выпалила Рина.

— И чем же, позвольте узнать?

Чародейка вздохнула. Не так-то просто в глаза мстительному и злопамятному каннибалу высказать свои претензии. Она решила начать с наименее важных:

— Вы пьёте с утра, азартно играете в карты, врёте, убили огромное количество людей просто на дуэлях, и...

— Продолжай, — тёмные прямые брови нахмурились, — какие ещё мои грехи ты вычитала в интернете? Про людоедство и сожительство с обезьяной не забудь.

Упоминание про интернет как-то охладило пыл Рины.

— Не думай, что, если я жил в девятнадцатом веке, то я отсталый идиот. Ещё вчера подумал, что ты станешь наводить обо мне справки, вот и почитал, — он изящно промокнул губы салфеткой, — понаписали обо мне столько ерунды, что не знаю, плакать мне или смеяться.

Он вздохнул.

— Давай так, оправдываться не стану, не вижу смысла. Спрашивай открыто по всем пунктам, какие волнуют. Всё одно, вызванного по контракту слугу поменять нельзя. Это я точно знаю. Не пойму откуда и как, но знаю. Начинай, чем быстрее мы с покончим с непониманием и подозрениями, тем лучше.

Арина подумала и начала с самого больного.

— Что было с обезьяной?

— Ты вообще соображаешь? – Толстой покрутил пальцем у виска, — я похож на ненормального? На кой чёрт мне сдал-

ся орангутан, да ещё и самец. Так для смеху на корабль взял. Карточный выигрыш, не бросать же животину. Дрессировать думал, да обезьяна глупая попалась и зловредная. Пакостила всем, а когда я хотел его верёвкой привязать, чтоб не гадил на палубе, он меня за руку тяпнул. Я со злости его швырнул, да не рассчитал силу, позвоночник орангутану сломал. Пришлось пристрелить. И всё.

Звучало правдоподобно.

— Каннибализм.

— Уже объяснил, второй раз не буду. Так для смеху рассказывал, чтобы вот на такие рожи, как у тебя была за столом, поглядеть. Не ел, не готовил, и точка.

— Понятно, — у Рины немного отлегло от сердца. Она чувствовала, что сейчас Фёдор серьёзен и откровенен, как никогда прежде. Даже выражение лица другое, стал как-то старше и более усталым, что ли, — карты, женщины, дуэли.

— Всё сразу? — привычная усмешка чуть тронула губы, — начну с последнего. В наше время дуэли были обыденностью. Убийством это не считалось. Вызывали по большей части меня. Наверное, поэтому я считаюсь героической душой класса «Стрелок». Вины за дуэли не ощущаю ни малейшей. Приходилось драться с несколькими за раз, не убили — выходит я лучший. Дальше что? Женщины? Хотя ты мне и не любовница, ни мать, ни жена, скрывать не стану. Любил многих, никого не обидел, расставались по взаимному согласию. Был женат, счастлив и всё такое. Подробностей не

дождёшься. Остались одни карты. Играл много и наверняка, если ты понимаешь, о чём речь?

Рина сказала, что в курсе дела.

— Не потому играл, что в деньгах нуждался, просто интересно. Любил ставить на место профессиональных шулеров, которые деньги стригли с простаков. Вот Саньке много лет долбил, как всё делается, а он не верил. Хоть в конце, слава Богу, понял, что к чему. Тогда к карточному столу интерес напрочь потерял. Считаю сие делом добрым, искупающим прочие игорные грехи.

— Понятно, а что с питьём вина?

— Пили в моё время много. Особенно военные. Хоть государь Александр не особо одобрял, но против воли большинства ничего поделаться не мог, — Фёдор заложил за ухо волнистую прядь волос, выбившуюся из хвоста, — выпивал, я ж — преображенец всё-таки. Бывало, что и перебирал малость. Но про коня и грязь Пушкин-тварин сын, приврал. Не валился я с коня. Да и Фру-фру не калмыцкой, а орловской породы была. Теперь всё, надеюсь, или ещё какие враки по мою душу остались?

— Нет, это всё, — Рина ощутила огромное облегчение. Фёдор, конечно, своеобразный парень, но не извращенец и не людоед. В конце концов у всех есть недостатки и дурные привычки. Так куда лучше, нежели отозвался бы зануда навроде отца Викентия.

Федор уплёл остатки курицы, вскрыл чипсы и хрустел ими

с удовольствием.

— И ещё, — проговорил он, прожевав очередную горсточку, — ты должна перейти со мной на «ты». Будет странно, если посторонние услышат, как ты выкаешь двоюродному брату. Даже в моё время такого не бывало. Забудешься, занервничаешь и перейдёшь на Фёдора Ивановича. Идёт?

— Хорошо, только как к вам обращаться? Федя? Федюша?

— Только попробуй! Никаких Федюш, Феденек! Можешь на французский манер — Тео. Значит, Теодоро.

Рина засмеялась:

— Уж двадцать лет минует скоро, как я не вижу Теодоро, — процитировала она испанского классика, — боюсь, Теодоро я не смогу произносить без смеха.

— Тогда либо Фёдор, либо — Алеут, если нравится — Американец.

Рина согласилась и протянула руку в знак полного примирения.

Ноутбук бабы Паши они нашли в её комодe под ночными рубашками. Компактный и тонкий, он лежал в чехле из плотного серебристо-серого материала с расходящейся в разные стороны застёжкой-молнией и широким удобным ремнём для переноса на плече.

Ни зарядного устройства, ни проводов рядом не было.

Арина поставила ноут на стол и включила. Вместо пароля закружились какие-то значки, подозрительно похожие не

японскую кану. Девушка зацепилась взглядом за какую-то загогулину, и, когда та встала на первое место, нажала на та-чпад. Значки выстроились в последовательность, и на экране загорелась надпись «Добро пожаловать!».

Система была совсем неизвестная, даже магонет имелся. Они с Фёдором первым делом открыли страницу с законами, которые так настоятельно рекомендовал изучить Викентий Константинович.

Алеут почитал немного, потом заявил, что подобной му-ти не встречал ни в той, ни в этой жизни и отсеялся, а Ри-на продолжала пробираться через юридическую абракадаб-ру, регламентирующую жизнь и работу чародея региона.

Дочитать до конца пункт о применении силы в расследо-вании вмешательства существ и сущностей духовного плана в бытовую жизнь людей ей не позволил настойчивый звонок в дверь.

Девушка закрыла страницу и встала.

— Я сам открывать буду, — вскочил Алеут, — мало ли какая сволочь пожалует.

Но на этот раз никаких бесов за дверью не обнаружилось. Фёдор убрал подальше пистолеты, готовые прыгнуть в руки. На пороге топтались двое затрапезных мужичков неопреде-лённого возраста. Они вытаращились на Алеута и забормо-тали:

— Извините, барин, нам бы Прасковьюшку Григорьевну повидать, — это говорил невысокий рыжеватый, заросший

до середины щёк щетиной почему-то чёрного цвета.

— Да, да, — вторил ему второй — дородный, толстоватый с брылами на покрасневшей роже и в невообразимо грязной летней шляпе на голове, — её, матушку, покличь, барин, мил человек!

— Прасковья Григорьевна скончалась, — ответила подошедшая Арина, — а вы чего хотели?

Девушка узнала посетителей. Это была парочка местных алкоголиков, тусовавшихся во дворе соседних пятиэтажек, по императорскому проекту «Комфорт и уют» превращённом в небольшой сквер с детской площадкой, беседками и клумбами роз. Патронировала проект сама императрица Мария Николаевна, и благодаря ему уездные города Российской империи стали напоминать красивые иллюстрации из книг. Пара пьянчуг облюбовала крайнюю беседку, обычно пустующую из-за близости мусорных баков.

— Жалость-то какая! — в один голос запричитали незваные гости, — померла. А мы и не знали. Пусть земля ей будет пухом. А кто же теперь... — маленький ткнул локтем в бок толстого.

— Всего доброго, — проговорил он, — мы таперича пошли.

— Столбик, — обратился к собрату толстяк, — я не понял, кто теперь чародейка...

— Сказал же, пошли, — Столбик попытался спихнуть товарища с крыльца.

— Чародейка Поволжья сейчас я, — остановила их Арина, не став уточнять про свой временный статус, — если есть какое дело, заходите.

Мужички переглянулись, Столбик недоверчиво поглядел на девуцу в коротких шортах и розовых очках, потом махнул рукой и сделал шаг внутрь.

Алеут выглянул наружу и запер дверь.

Гости неловко скинули обувь, открыв взорам немытые неделями ноги, и чинно проследовали в гостиную, где с некоторой опаской уселись на кожаный диван. Диван был светло-серый, и Рина подумала, что после посетителей его придётся чистить.

Она вспомнила прозвище второго – Шляпочка. Он никогда не расставался с данным предметом гардероба, даже спал на скамейке, деликатно прикрыв храпящее лицо шляпой. Его любила детвора, он нередко играл с ними, хотя мамы и прогоняли «несносного типа» прочь. И вот этим летним утром пара алкоголиков сидит у Риной в доме. Значит, им что-то нужно от Чародейки Поволжья и вряд ли это что-то – червонец на опохмел. Ох, вряд ли.

— Извиняйте, барин, — Столбик толкнул ногой приятеля, и тот поспешно стащил с головы шляпу, обнажив редющие выющиеся волосы неопределённого цвета и торчащие в стороны уши, — не знаем вашего имени-отчества,

— Фёдор Иванович, — бросил Алеут, занимая кресло.

— Барин Фёдор Иванович, — с расстановкой повторил

Столбик, — мы к Арине Вячеславовне пришли по особому вопросу, — он выжидательно поглядел на Алеута, — вы, это, выйти не хотите?

— Не хочу, — отрезал тот, — и, если вы не прекратите тут ломать комедию и не перейдёте к делу, я обе ваши блохастые тушки пинками за дверь вышвырну, вы и гавкнуть не успеете!

— Алеут, зачем ты людей оскорбляешь? — Рина повернулась к посетителям.

— Людей? — выгнул бровь Фёдор, — где ты людей увидала? Это ж — пара шавок, от них псиной разит за версту.

— Видит, — констатировал Столбик, ослабившись. Зубы у него оказались хоть и желтоватые, прокуренные, но крепкие, с выраженными клыками, — сам-то кем будешь?

— Не твоего ума дело, — отрезал Фёдор, — оборотни они, — пояснил он Рине, — самые обыкновенные оборотни — волколаки.

— Неправда ваша, — жалобно проговорил толстый Шляпочка, — никакие мы не волки, правда-правда, ни одним глазу. Собаки мы, чесслово, нормальные собаки. Я вот — помесь сенбернара с кем-то ещё, а Столбик — он полуовчар. Знаете, какой у него нюх?

— Получается, — уточнила Арина, которая действительно теперь видела сходство длинноносого Столбика с немецкой овчаркой, а неопрятного пухлого Шляпочки с добрым сенбернаром, особенно походили глаза: круглые, карие и

слегка слезящиеся, — вы в собак перекидываетесь?

— Э, госпожа чародейка, — Столбик почесал за ухом, — не совсем так. Мы – псы, которые в людей превращаются. Окультуриваться хотим. Не весь же век по помойкам шарашится, вот в человека и оборачиваемся.

— Вы не думайте, мы не какие-нибудь антиобщественные элементы, — не без труда выговорил сенбернар, — мы честным трудом на культуру зарабатываем. Кому огород вскопаем, кому бурьян порубим. Вон, Столбик даже на оптовом рынке грузчиком робил.

А после – культурный отдых, чтоб совсем по-людски.

— Вы всё про культуру твердите, — вклинился в разговор Алеут, — в театр что ли ходите?

Он с сомнением оглядел одежду пришельцев, нуждающуюся в стирке.

— Что ты, барин, — доверительно осклабился Столбик, и его узкое лицо с глубоко посаженными глазами приобрело хищное выражение, — на кой ляд нам ваши театры сдались? Мы в людские пивнушки ходим.

Алеут не выдержал и захохотал.

— А что? – обиженно протянул Шляпочка, — тама столы, вилки, стаканы, это тебе не с земли есть. Телевизор опять же.

— Понятно, — Рина зыркнула на Алеута, который всё не мог унять, — ко мне у вас какое дело?

— Матушка, барыня чародейка, — оба как по команде поклонились, почти уткнувшись носами в колени, — не обес-

судь, поможи. Пропал один из нашенских.

— Делов-то! — это была реплика от Алеута, — может, в псину перекинулся и мычется где-то со сворой. Я видал, в Междуреченске полно собак с какими-то блямбами на ушах по дворам гуляют.

— Это просто обыкновенные пёсели, да к тому ж — кастраты, — с осуждением пояснил Столбик, — их городская служба отловила, в приют отправила, там их — того, и назад. Вроде как кусаться не будут. Наш друг не из таковских, он как мы — оборотец, сталбыть.

— О ком вы говорите? — Рина силилась припомнить ещё кого-то, кого видела в этой компании.

— Лобзик пропал, — горько заключил Шляпочка, и от избытка чувств сдал в кулаке свой головной убор, — понимаете, матушка, совсем пропал.

— Получается, вы уже искали его сами? — уточнила чародейка, и вынула из сумочки блокнот, куда решила записывать самые важные сведения.

— А то, как же!

И Столбик поведал печальную историю бесследного исчезновения друга.

— Он, Лобзик, с кровью терьера, — доверительно сообщил он, — поэтому дурной бывал, особенно как выпьет. За курами гонялся. Смешно ведь, парень видный, с бородой, а тут за птицей бегает, аж перед людьми стыдно. По честности сказать, по нашим ходили слухи о пропавших парнях,

но мы как-то не особо волновались. Один полуволок был – дикарь из леса, что за Алтанкой. Приходил, болтался в городе, после опять в лесу исчезал. Нелюдимый и глупый, с ним и поговорить-то не о чем было. Месяца три, как совсем пропал. Мы думали, надоело ему человеком, в полнолуние стал волком, волком и остался. У нас в это время выбор имеется, кем быть. Только чем дольше человеком ходишь, тем меньше охота на прохожих брехать, да столбы обоссывать. Следующий пропал из вокзальных – тот вообще щенок, пацанёнок лет четырнадцати. Его ещё смотритель гимназий хотел к обучению приспособить, мол, коли родовок нет, его в детский приют отправят, но учиться надо.

Столбик вздохнул и попросил напиться. Выдул полную кружку, крикнул, утёр рукавом губы и продолжил:

— А вот на прошлой неделе Лобзик исчез. Он парень симпатичный, его Ленка иногда в дом пускала. Вообще-то, она и нас привечала, но Лобзик – у неё в любимцах ходил. И в полнолуние, когда мы все принудительно собаками делались она ему и суп, и второе выносила.

— А нам только кости да объедки доставались, — горестно добавил сенбернар.

— К Ленке мы первым делом и сунулись. А тама даже запаха Лобзикова нет.

На чародейку снизошло озарение, она вспомнила, кто такой Лобзик. В панельной пятиэтажке, стоящей немного поодаль, имелась весьма примечательная личность – Лена. Да-

ма неопределённого возраста, страдающая странным хобби — обыскивать мусорные баки на предмет чего-то полезно-го. Выражалось это самое полезное иногда в разнородных предметах одежды, кои искательница тут же цепляла на себя, иногда в сломанных вещах, а один раз чародейка видела своими глазами, как Лена любовно прибрала засохший букет роз. Но особо примечательным был парень, что нередко ошивался рядом. Бородатый, поджарый и загорелый, он отличался исключительной вонючестью. После его захода в магазин, запах держался не менее получаса, из-за чего его безжалостно выгоняли ото всюду. К удивлению Рины, Лобзик словно не ощущал собственной вонючести, нисколько не комплексовал по этому поводу, а любил греться на солнышке, оккупировав лавочку со спинкой. Мамаши с колясками и малышнёй старались обходить и Лобзика, и лавочку по большой дуге.

— Ленка сама его искала, — продолжал Столбик, — он покурить пошёл, она картошку жаренную ему на тарелку наложила, а парня нет. В окно позвала, нет. Картоха остыла, а Лобзика всё нет. Сроду такого не бывало, чтоб кто из наших хавчик по доброй воле пропустил, — сенбернар согласно закивал головой, полностью подтверждая правоту собрата, — разобиделась бабёнка, отматерила и спать легла. А дня через три мы и сами отсутствие Лобзика заметили. И никаких следов не нашли.

— Не мог он в полнолуние собакой стать и за курами от-

правиться? — предположил Фёдор, — там его пуля хозяина курятника настигла, и валяется ваш дружок где-то дохлый на помойке.

— Не, барин, неправда ваша, — солидно сказал Столбик, — мы, конечно, не такие умные, как люди, но понимаем, полнолуния на минувшей неделе не было. Все помойки мы obeжали и обнюхали. Никаких следов парня. Найдите его, Арина Вячеславовна, боязно мне, как бы что худое с нашим братом не деется. Третий уже. Успокойте душеньку, а мы вам опосля отслужим, в саду все грядки перекопаем! — пообещал он.

— Благодарю, но это лишнее, — Рина представила, во что превратится их сад после того, как там потрудятся два пса в человеческом обличье, — никакой платы я с вас не возьму. С делом вашим разобраться попробую. Сделаю, что смогу.

— Спасибоочки, спасибоочки, — снова уткнутые в колени носы, — век не забудем, барыня чародейка.

Столбик потянул Шляпочку за рукав, и они быстро потрусили к выходу.

— С чего начнём? — бодро спросила чародейка, хотя в душе она не ощущала совсем никакой уверенности.

Фёдор почесал подбородок и заявил:

— С волшебной книги Прасковьи.

— Не думаю, что там найдётся подсказка, каким образом отыскать пропавшего оборотня.

— Зато там найдётся многое другое, — голубые глаза Фё-

дора смотрели на этот раз вполне серьёзно, — например, заклятие Истинного зрения. Ты ведь ни беса в татарском ущелье не разглядела, ни этих двух, блохастых. Допускаю, беса мастер прикрыл волшбой, чтобы поближе к тебе мог подобраться, но оборотней ты даже не заподозрила. Плохо дело.

— У меня и часа свободного времени не было, между прочим, — вскинулась Рина, — некогда было магическую литературу листать. Давайте лучше, — она осеклась, — давай в магонете поглядим. Там быстрее будет, и про оборотней наоборот считаем, вдруг не только в нашем Междуреченске они пропадать стали.

Специальная закрытая сеть магов особых результатов не принесла. Про оборотней нашлось несколько статей, преимущественно сенсационного характера. Встречались обратные оборотцы, таким термином их принялись называть, давно, но были явлением редким и малоизученным. Массовое появление этого вида существ во втором десятилетии двадцать первого века автор относил к ухудшению общей магической обстановки в России и мире. «Заклинания усложняются и, благодаря передовым исследованиям, становятся всё токсичнее. В нашем мире остаются следы неистраченной или, хуже того, отработанной, а подчас и искажённой магии. Это влияет на флору и фауну. Собаки обретают разум и свойство становиться людьми. Эти «шариковы» несут опасность для общества. Они не работают, подвержены вредным привычкам и склонны к антиобщественному образу жизни».

В другой статье появление нового вида оборотней приписывали неудачному эксперименту с магическим оружием масового поражения, испытания которого тайно проводились в самом центре страны.

— Не думала, что в магонете можно встретить такой же конспирологический бред, как и в обычной сети, — заметила Рина, — всё то же самое: загрязнение окружающей среды, тайные эксперименты военных..., и в итоге — ничего полезного.

— Чародеи — такие же люди, — пожал плечами Алеут, — обладание силой не делает человека ни умнее, ни лучше. Он обретает новые возможности, и всё. Кто-то, например, пишет всякую ерунду по разным вопросам. Я бы за статьи о себе авторов на дуэли убил по три раза!

Волшебная поваренная книга дала информации поболее. Рина так и не поняла, как это работает, создавалось впечатление, словно она подстраивалась под владельца, выдавая нужную информацию. На первый взгляд — рецепт творожников с джемом, а тут же моргнёшь, и на тебе — «Волколаки и волколаки-обратники».

Волколак — обратник — суть существо злокозненное и хитрое. Хоронятся по лесам около деревень, хуторов и мыз, ища возможность, перекинувшись в человека, зажить человеческой жизнью. Глупы и злобны, склонны к пьянству, обожают буянить и драться. Оружия избегают, но в драке нередко кусают противника. К удаче людей, обратники встреча-

ются крайне редко, посему изучены слабо. Алхимики особо ценят телесные жидкости волколаков-обратников и готовы платить за них большие деньги.

Это была вся информация.

— И тут негусто, — Алеут покрутил шеей, затекла от неудобного сидения, — стесняюсь спросить, зачем алхимикам телесные жидкости псин?

— Без понятия, — ответила Рина, — может, зелья какие готовят.

— Из пёсей мочи? — усомнился собеседник, — и не говори мне, что зелья эти потом ещё и пьют. Гадость какая!

— К телесным жидкостям относится не только моча, — Рина обратилась к магонету, — ещё слюна, сопли...,

— Довольно, я понял, что ещё, — поднял руку Алеут, — пощади моё целомудрие парня позапрошлого века, я, всё-таки с девицей, а не в компании гусар.

Рина покраснела и углубилась в поиски, которые привели к подсказке: для нахождения пропавших людей, животных и предметов необходимо воспользоваться заклятием Находка. самого заклятия, естественно, в магонете не было, указывалось лишь на многообразие подобных действий, из которых каждый чародей выбирает то, что ему по силам и по душе.

Они попили кофе и решили освоить Истинное зрение (чтоб бесяков ещё на подходе видела!) и Находку.

Для зрения понадобились глаза. В рецепте указывались добытые при жизни глаза сокола или ястреба. (Зверство, —

констатировал Алеут, — я на подобное не подписывался!) Но рукой Прасковьи Григорьевны было подписано: «Аришенька, не слушай. Глаза купленной в магазине свежемороженой рыбы подойдут без сомнения. Ингредиенты заменимы, кто-то из наших предков просто хотел показать, насколько он особенный чародей.»

Знакомый тазик не понадобился, в турку для кофе налили молока, хорошо, что накануне вечером Рина купила коробку топлёного с симпатичной коровой в цветочном венке. Всё та же многострадальная мойва пошла на глаза, а появившийся, как по волшебству, кот с удовольствием утилизировал тушки рыбы. Ложка мёда, порошок из анютиных глазок (пришлось растереть цветы в ступке — свежий даже лучше, — уверенно заявил Алеут). Рина была не совсем уверена, но сушить любимые бабушкины цветы, что во множестве пестрели вдоль дорожек, времени просто не было.

— Картофельные глазки, шесть штук, — прочитал Алеут, и со смешком добавил, — по три на глаз, но не более четверти дюйма каждый. Проросшие не подходят.

Рина повертела картофелину и вырезала нужное количество глазков.

Варево закипело, коричнево-зелёная пена отвратного вида полезла из узкого горлышка турки. Девушка чуть приподняла турку и медленно досчитала до пятидесяти шести. После чего перелила содержимое в чашку.

— Интересно посмотреть, как ты станешь это пить, —

Алеут морщил нос, — занятное, должно быть, зрелище. Предвкушаю!

— Я, возможно, разочарую вас, представитель малых народов крайнего севера, — чуть обиделась чародейка, — но эликсир Истинное зрение принимается не перорально, а наружно. Его всего лишь довольно подержать на глазах.

— Если что, не нуждаюсь — сразуотреагировал собеседник, — я и так много чего вижу, хотя, порой и не хочу.

Через двадцать долгих минут отчаянного щипания глаз — чуть остывшее зелье Рина наложила на глаза, щедро пропитав ватные диски, на первый взгляд ничего не изменилось, если не считать, конечно опухших век и покрасневших склер. Фёдор остался прежним — высоким, красивым, смуглым. Из зеркала на чародейку тоже смотрела она сама, полученная сила никак её не изменила. Но вдруг девушка увидела что-то в зеркале, это что-то сверкнуло на грани заметности над окном. Она перевела взгляд, ничего. Посмотрела на себя в зеркало — опять. Вроде как голубенькая блестящая паутинка.

— Видишь что-то необычное над окном? — спросила Рина.

— Если под необычным полагать засохшую муху на карнизе для штор, то да, — ответил Фёдор.

— Я о голубой почти невидимой паутинке.

— Так это — не паутина, а охранное заклятие на доме. Естественно, я его вижу, — кивнул Фёдор, — не постоянно,

конечно, но, если сфокусируюсь, то вполне отчётливо различаю. Получается, — он широко улыбнулся, — зелье сработало! С первого раза получилось, молодец, Аришка!

— Вообще-то это второй мой опыт. Я ещё и ритуал вызова твоей персоны провела.

— Ага, никогда на прощу, как ты меня в кипятилок засунула! — он сделал страшные глаза, но в них плескалось веселье, — хорошо в сапогах был, а если б босиком?

С заклятием Находка их постигло разочарование. Для успешных поисков обязательным условием было наличие вещи пропавшего, которая непременно соприкасалась с телом, а ещё лучше — волосы, ногти либо кровь.

— Пошли поищем наших клиентов, — предложил Алеут, — пускай потрудятся немного, принесут что-то из вещей пропавшего Лобзика.

Рина повела их в двор пятиэтажек, где по её представлению проводили свободное от пивнушек время их клиенты. И она не ошиблась: знакомая парочка обнаружилась впустующей по случаю послеобеденной духоты беседке. Солнце щедро поливало её своими лучами, разогнав вездесущих бабок. Толстый Шляпочка вальяжно развалился на скамейке и меланхолично обмахивался помятой шляпой, Столбик курил сигарету и беседовал с невысоким подтянутым парнем в белой бейсболке, белой майке с японским иероглифом и белых же наглаженных брюках.

Настроение у Арины необратимо испортилось. Собесед-

ником оборотней оказался её бывший – Женька, а точнее Никифоров Евгений из параллельного класса, по прозвищу Кефир. Любовь-морковь у них завертелась ещё в десятом. После выпуска Женёк остался работать на отцовских мельницах, учился заочно, а вскоре открыл сеть закусочных «Две катаны», где подавали суши, шаурму и шашлыки. Они продолжали встречаться, но два года назад Евгений официально прекратил их отношения. Он заявил, что не видит у них никакого совместного будущего, посетовав, что жизнь в центре губернии якобы изменила Арину, и той девушки, что вызывала у него сердечный трепет в старшей школе, больше нет.

Арина очень переживала, но полностью отношения не рвала, предпочитая пседоприятельство полному разрыву. И вот теперь Женёк стоял и о чём-то беседовал со странной парочкой. Поворачивать назад и делать вид, будто они просто шли проходным двором через арку было поздно. Парень повернулся в их сторону и замахал рукой. Чародейка напустила на себя безразличный вид, перекинула косу за спину и пошла к бывшему. Алеут искоса взглянул на неё, но ничего не сказал.

— Арина, — проговорил Женёк, — как хорошо, что я тебя увидел. Соболезную, от всего сердца соболезную твоей утрате. Хотел позвонить, да закрутился с делами. Вот, — он кивнул на два брендированных пакета со стилизованной сакурой и самурайскими мечами, — гуманитарную помощь доставил.

— Благодарствуем, барин, — солидно кивнул Столбик, заглядывая в пакет, — крепкого вам здоровичка и всяких жизненных благ. Вы не забываете обделённых судьбой, и судьба вас не забудет.

— Чего там, — махнул рукой парень, — всё одно в заведениях и рис отварной остаётся, и заказы иногда не забирают. К тому ж обрезать, пересортица, да и поставщики, не стану греха таить, с поставками подводят. Списывать — накладно. Вот, что подпортилось — в приют для собак отвожу, а как получше — ребят поддерживаю. И налоги спишу чуток, — он заговорщицки подмигнул.

Арине бросилось в глаза, как изменился за эти два года её некогда любимый человек. Вместо сутуловатого дрища во дворе стоял в меру накаченный парень. У него была модная стрижка-канадка с подбритыми висками, короткая щетина, и носил он дорогие зеркальные очки в позолоченной оправе, которые не позволяли разглядеть выражение его глаз. Наверное, Женька был прав, перед чародейкой стоял почти незнакомый молодой мужчина, в котором лишь очень отдалённо угадывался тот самый Кефир, с которым так весело было играть в компьютерные игры.

— Это огромная потеря для всего Междуреченска, — продолжал Женя, — Прасковья Григорьевна несколько поколений читателей возрастила и меня к библиотеке приучила. Жаль, не передать как жаль.

Они неспешно шли по асфальтовой дорожке между

клумб, Рине почему-то не хотелось, чтобы Женька узнал, что она приходила к оборотням. Поэтому сделала вид, что они идут по делам.

— Уникальная женщина, — он бросил косой взгляд на Алеута, — который тоже обзавёлся тёмными очками ещё на выходе из дома, — представишь?

— Прости, Женёк, — заставила себя выговорить обычное для них прежних имя Рина, — это Фёдор, мой родственник по отцовской линии из столицы. На похороны приехал.

— И в отпуск, — добавил Алеут и, как бы в раздумье, не хотя, протянул руку.

— Очень приятно, — заулыбался Женя, — но, простите меня великодушно, рукопожатием ответить не могу – мне не руки устричный соус протёк. Опять Андрюха схалтурил, ведь были уже претензии к протечкам, а он опять за своё. Штрафану на четверть жалования – сразу одумается.

Он спрятал руки за спину, словно избегая неловкости от соуса на них.

— Вы, Фёдор, по какой части служите? – последовал обычный вежливый вопрос.

Рина накануне попросила Алеута не рассказывать никому о том, что он – полковник Преображенского полка, поскольку выглядит он слишком молодо, да и татуировки на руках не соответствуют военному, как и «кудри чёрные до плеч». Помня об обещании, Фёдор пространно заявил о работе в области IT-технологий, всем своим видом давая понять, что

разглашать подробности не имеет права.

Собеседнику вполне хватило и этого, он снова переключил своё внимание на чародейку.

— Держись, — ответный кивок, — если какая материальная помощь потребуется, обращайся. «Катаны» на подъёме. Приглашаю вас обоих официально. Посидим, поболтаем, помянем Прасковью Григорьевну. И не качай головой. Отказа я не приму. Купцы Никифоровы ей знаешь как обязаны? Она ж пару лет назад папе какую-то гадость со складов муки вывела. Никто не сумел, иностранная отравка – впустую, а бабуля твоя за пять минут справилась. Так что помянем по высшему разряду. Позвонишь, хорошо?

Рина кивнула.

— Ну всё, други, я побежал. А то мои орлы без хозяйского пригляду много чего наворотят.

Он уселся в пискнувшую при его приближении иномарку и уехал.

— Ты чего такая смурная? – спросил Фёдор, — словно мойва мороженная. Не узнаю, — потом прикинул что-то, и знакомая ухмылка растянула его губы, — только не говори мне, будто этот прилизанный vilain – твой ухажёр в прошлом? Не верю, чтобы такая девица могла увлечься столь отталкивающей личностью. У него даже одеколон гадкий, душный, словно подгнивший плод драконьего дерева.

— Если уж ты принялся ругаться по-французски, значит Евгений тебе сильно не понравился, — заметила Рина, пы-

таясь уйти от ответа.

— Не ругаюсь, а квалифицирую, — поднял палец Алеут, — тут большая разница. Квалифицирую его как низкого человека, каким, по сути, и является купец, скармливающий объедки нищим с целью платить поменьше налогов. Он не достоин тебя, Арина. Ни капли не достоин, — закончил серьёзно Алеут, — выкинь его из головы. Вокруг полно мужчин, встретишь и ты своё счастье.

Они возвратились к беседке. Там оборотни уже во всю угощались. На лавочке стояла початая бутылка не самой дешёвой водки.

— Гляньте, каков барин! — Шляпочка счастливыми глазами указал на спиртное, — мало того жратвы притаранил воз и маленькую тележку, так он и о культуре побеспокоился.

Рина поняла, что в роли культуры выступала водка и пачка сигарет, что гордо оттягивала грудной карман Столбика. Конечно, подумалось ей, собаки же в природе не пьют. Может, алкоголь для них — своего рода знак очеловечивания.

— Ничего себе, в ваше время благотворительность, — Фёдор взял бутылку двумя пальцами и поболтал остатки, — мало того, пожрать принёс, так он ещё и о выпивке с куревом позаботился! В мою бытность дамочки только хлеб, варёную картошку да яйца жаловали. У вас тут, гляжу, целая гулянка нарисовалась.

— Ага, — Столбик впился зубами в подгоревший кусок шашлыка, — присоединяйся, — великодушно предложил

он.

— Пожалуй, воздержусь, — Алеут вернул бутылку на место.

— А вы чего пришли? — продолжал Столбик, — нашли уже?

— Скорый какой, — заметила Рина. Она уже почти полностью оправилась от встречи с бывшим, — мне для заклания поиска личная вещь Лобзика нужна.

— Кака-така вещь? — спросил Шляпочка, — у нас вещей-то почти что и нет. Вот, чего на нас — так и всё. Где ж мы вам, барыня, лобзиковы вещи возьмём? Без этого никак нельзя?

— Надо, — подтвердила чародейка, — так мы хоть направление для поисков получим.

— Господа оборотцы, — обратился Алеут, — вы намерены бабу какую-то поминать изволили. Вроде, с ней ваш приятель амуры крутил.

— Чего там он с нею крутил, не знаю, — ответил Столбик и утёр рукавом губы, — он её, это, — косой взгляд в сторону чародейки, — имел.

— Где проживает объект страсти?

— В панельном доме, квартира в крайнем подъезде, где внизу магазин молочки, справа.

Теперь путь лежал в панельную пятиэтажку, где часть первого этажа занимал магазинчик фермерских продуктов «Счастливая Бурёнка». Любители всего натурального хаживали

вали туда за жирным творогом, кислым молоком с коричневыми утопленными пенками и сметаной, в которой ложка стояла в самом прямом смысле слова. Бабушка всегда покупала именно эту сметану.

Дверь с висящей на малиновой проволочке кнопке звонка и припиской простым карандашом «Не работает, стучите» открыла знакомая по регулярным помоечным раскопкам Лена. Она вытаращила глаза от неожиданности, потом заголосила жалобно и визгливо:

— Нету у вас никаких прав у честного человека свет отрезать только из-за того, что не уплачено за минувший месяц. Может, у человека проблемы личного свойства? Может, ему лекарства нужны или вещи какие! Что государевы энергосети обеднеют, коли одинокая вдова через месяц или два заплатит? Не пущу! На порог не пущу! Хотите режьте меня, хотите в полицейский околоток тащите, но ни шагу в мой дом не сделаете!

Она попыталась захлопнуть обшарпанную дверь, но Фёдор не позволил ей сделать этого.

— Мы вовсе не от Государевых энергосетей, — примирительно, словно разговаривала со слабоумным, проговорила Рина, — мы по поводу пропажи вашего знакомого Лобзика.

— Лобби, — сморщилась женщина, и сморкнулась в полувцветастой шёлковой кофты, — проходите тогда.

Чародейка даже представить себе не могла, что однокомнатная квартира может быть захламлённой настолько. От

старья стояла невыносимая вонь, Фёдор скривился, но хозяйка не обратила на это никакого внимания, ловко прошмыгнула между множеством разваливающихся переполненных хламом коробок, широким жестом смахнула с кровати неподдающуюся идентификации одежду и предложила садиться.

Фёдор хмыкнул и отошёл поближе к приоткрытому окну, а чародейка помотала головой. Садиться в шортах на замызганное покрывало она не собиралась.

Лену не нужно было расспрашивать. За пару минут без единого вопроса чародейка узнала о привычках, вкусовых пристрастиях и «малюсеньких, ничего не значащих» недостатках бесследно испарившегося Лобби.

— Ну и что, что он любил облизывать тарелки! – восклицала Лена, — зато мне мыть меньше.

«Можно подумать, ты их вообще моешь!» — подумала Рина, обратив внимание на кучу коробок от доставки и одноразовой посуды.

В остальном она почти слово в слово повторила рассказ друзей-собаколюбов: вышел в подъезд покурить (хозяйка квартиры заявила, что от запаха табака на неё чих нападает) и исчез. Даже есть картошку с сосисками не пришёл.

Рина выбрала момент и попросила какую-нибудь лобзикову вещь.

— Вещь? – переспросила Лена, растерянно оглядывая свои залежи, — он всегда летом в майке и трениках ходил, — у

чародейки отлегло от сердца: никаких заношенных трусов ей в руки брать не придётся.

— Должно же у тебя остаться хот что-то на память от сожителя, — отвернулся от окна Алеут, — может, прядь волос срезала или майка старая.

— На фиг мне евошние волосы сдались? – ворчливо спросила Лена, — а вот полотенце где-то было.

— Полотенцем и ты, поди-кось руки вытирала? – усмехнулся Фёдор, — не подойдёт нам оно.

— Вытирала, и что? А вот кровяка Лобби на нём точно есть, — Лена углубилась в поиски, — он как-то помочь мне вызвался, да руку себе ножом рассадил. Я ж понимаю, пёс — он, и нечего на меня такими глазами смотреть. Я ж к нему в человечьем обличье привязалась. Он за мной всюду хвостом ходил, слова всякие ласковые говорил. Даже пацанят из квадратного двора отпинал, когда они надо мной дразнились. Вот.

Она вытащила откуда-то из завалов кухонное полотенце с весёленькими бабочками. Полотенце разве что не стояло колом от грязи, зато на нём имелись отчётливые обильные ржавые пятна запёкшейся крови.

Рина порадовалась своей привычке носить в сумочке свёрнутый пакет-майку. Полотенце было упаковано, и чародейка со слугой покинули странную квартирку.

Еду заказали в доставке. Алеут наотрез отказался от шашлыка из «Двух катан» — кто знает, какое мясо твой бывший

жарит? Может он не зря псин прикармливает. Сперва в собачий приют жратву возит, а потом собачек на шашлыки пускает.

— Глупо, — обиделась за Женька Рина, — в Российской империи, знаешь, как строго с контролем качества еды? За попытку продать несвежее или пересортицу – враз на каторгу загребеть можно. Не хочешь у Жени, закажу в другом месте, — она листала в телефоне страницы, — ты суши есть будешь?

— Суши? – переспросил Алеут, — а что это?

Чародейка продемонстрировала ему красивые фотографии на странице «Суши-роллы без границ».

— Чего это? – не понял парень и ткнул пальцем в тунца, — сырое мясо?

— Рыба. Тунец, а вот это – форель или лосось. Кому что больше нравится.

Фёдор с подозрением поглядел на девушку, не разыгрывает ли она его.

— А под рыбой что?

— Рис, сваренный особым образом.

— Ты издеваешься? Не стану я есть варёный рис с куском сырой рыбы. Фу, гадость какая! Какой идиот станет платить за неприготовленную еду! Хоть бы рыбу пожарили!

— А твои друзья-алеуты тебя сырой рыбой разве не угощали? – съехидничала Рина, — я думала ты обрадуешься, вспомнишь былое...

— Я былое помню и без сырой рыбы. Закажи что-то более съедобное, не то после заклинания поиска многострадально-го Лобзика, ах, простите – Лобби, я тебя заставлю ещё и обед готовить.

Рина кивнула. Почему-то ей никак не удавалось выйти победителем из их пикировок. К тому же она подумала, что парню из позапрошлого века и так есть к чему приспособливаться. Отложим знакомство с японской кухней на потом. Шаурма и два стейка из свиной лопатки вполне умилостривят полковника Толстого.

Когда они детально прочитали заклятие поиска Находка, оказалось, что оно работает всего около часа. Время было позднее, посему всю эту деятельность пришлось отложить до утра. Прошка пришёл с гулянья и принялся тереться о ноги Фёдора. Обидно. Из-за британской крови он даже гладить себя особо не позволял, а тут, пожалуйста, признал хозяина.

— К тебе липнет, вот сам и корми, — обиделась Рина, — а ко мне, предатель, не подходи больше!

— И никакой ты вовсе не *faus lozengier*, — с неожиданной нежностью проговорил Алеут, подхватывая на руки толстого здорового кота, — ты самый настоящий *chat intelligent*, — дальше он продолжал что-то нащёптывать коту по-французски.

— Боюсь, Прохор – стопроцентно русский кот, ему твои иноземные комплименты не воспринимает!

Прошка, как на зло, замурчал не хуже маленького мотор-

чика.

Для заклинанья поиска Волшебная книга, ставшая вдруг вместо поваренной «Словарём живого великорусского языка» В.И. Даля, предписывала выкопать живого земляного червя, промыть проточной водой склянку с плотно закрывающейся крышкой и наполнить последнюю водкой.

На что Алеут справедливо заметил, что для этого ингредиента можно подыскать и более подходящее применение, но в магазин отправился без звука, возвратившись подозрительно скоро. Рина предположила, что героическая душа попросту материализовалась в каком-нибудь безлюдном местечке неподалёку от супермаркета.

Червяк был отправлен в водку. После чего девушка вырезала из полотенца кусочек ткани с кровью Лобзика, сожгла её в пламени свечи и всыпала пепел к червяку. Тот уже сдох в водке и его обмякшее тельце вяло колыхалось среди крупинок пепла. Стрелка цветущего лука (как хорошо, что бабушка всегда сажала грядку лука и укропа) была тщательно перемолота в блендере. Нужно количество капель смешали в маленькой фарфоровой чашечке с ароматным маслом корицы. Затем пузырёк поставили прямо на смесь, и Рина стала читать заклинанье.

«Во время чтения надлежит замкнуть цепи, идущие от лба во внутренний глаз, — советовал текст книги уж что-то совсем несуразное, — сосредоточение на солнечном сплетении и, главное, прогнать оттуда тепло в лобные доли мозга».

— Навряд ли у меня получится, — засомневалась чародейка, — я не представляю, в каком месте находится внутренний глаз. И как замыкать цепи.

— Хоть, где солнечное сплетение, представляешь? Под дых разок получала?

Рина гордо заявила, что никогда не дралась, но про солнечное сплетение знает и без этого. В универе одно время случилось повальное увлечение йогой. Не миновало оно и чародейки.

— Начинай, а по ходу дела разберёшься, — посоветовал Фёдор, усаживаясь в позе зрителя в кресло. Они опять колдовали в спальне бабушки на каменном кругу.

Рина принялась читать. Скоро в районе солнечного сплетения появилась приятное тепло. Оно стремительно принялось набирать жар и очень скоро обжигало не хуже горячего чая. Девушка усилием воли и воображения представила, как тепло поднимается вверх по позвоночнику и наполняет «третий глаз», который по мнению индийских эзотериков находится прямо по середине лба.

— Ого, — воскликнул Фёдор, — заработало!

Рина даже с закрытыми глазами видела то, о чём он говорит: в пузырьке закрутилась пепельная муть и стянулась в тонкую иглу, которая пронзила дохлого земляного червя. Червь ожил, вытянулся в струнку и, покачиваясь, повернулся в сторону двери.

— Компас! – Алеут радовался, как ребёнок, — у нас по-

лучился магический компас. Он укажет нам, где найти Лобзика.

Чувствовала себя чародейка после колдовства вполне себе сносно. Ничего не болело, голова не плыла, просо хотелось пить.

— Итак, — Алеут извлёк из кармана шорт настоящий золотой брегет, — у нас около часа, пошли искать пропажу.

Глава 4 Ночная охотница на железном коне

Идти по магическому компасу было несложно. Ещё в школе Виктор Дмитриевич, не в меру инициативный учитель географии, угнетал всех старшеклассников спортивным ориентированием, они даже нормы сдавали. Посему пройти по стрелке из червяка в пузырьёчке с плотной крышкой не составило труда. Компас сперва привёл их к оптовому рынку, оттуда через какие-то заросли и дыру в заборе вывел к железной дороге. Лобзик не воспользовался пешеходным мостом, а пошёл прямо через пути. Риска попасться бдительным железнодорожникам, достойные мужи в форме регулярно дежурили и собирали штрафы с тех, кому четыре пролёта лестницы моста казались непреодолимым препятствием, Рина с Алеутом пошли напрямик.

— Ты Чародейка Поволжья, — со значением проговорил парень, — и не просто так гуляешь по путям, а при исполнении. Тебя не только не оштрафуют, они ещё и честь отдадут!

На их счастье, сегодня никто им не встретился, и они спокойно пробрались задами электростанции на улицу. Лобзик прогулялся по городскому парку, покрутился возле магазина «Вина Кавказа», но внутрь не заходил. Чародейке приходилось прятать компас в кулачке, потому что на выходе из про-

ходного двора бабушка, выгуливавшая симпатичного пуделя, с удивлением уставилась на слегка светящийся пузырьёк в руке Рины.

Бестолковые по большей части шатания по городу привели оборотня к задней части Горбольницы и скоро червяк буквально рванулся к обычной двери. На двери красовался плакат, призывающий граждан стать донорами, приняв участие в государственной программе «Доноры Российской короны». Крепкий мужчина и румяная женщина улыбались с плаката, демонстрируя всем, насколько здорово сдавать кровь. Участников программы ждали различные приятные бонусы в виде дополнительных выходных, скидок на путёвки в санаторий и купоны на бесплатное приобретение продуктов в супермаркетах, где на входе имелся специальный знак.

Алеут внимательно прочитал всю информацию, хмыкнул и предположил, что Лобзик решил сдать кровь, чтобы получить обещанные купоны на продукты. Рина согласилась, и они пошли внутрь.

Внутри ничего не оказалось кроме узкой железной лестницы на второй этаж. Лестница привела их в небольшой коридор с жёстким скамейками и одной единственной дверью. На двери кроме странного номера 104 скотчем был приклеен файл.

Кабинет забора крови
Фронтасьева З.П.

Часы работы с 9.00 до 14.00

Ниже была приписка, сделанная от руки фломастером:
Без бахил и в верхней одежде не входить!!!

Узкое окно в унылый колодец между корпусами довершало картину. Внизу стоял одинокий мотоцикл с красным шлемом, повешенным на руле.

На их шаги из кабинета выглянула медсестра в шапочке и медицинской голубой маске. Она оглядела посетителей и проговорила:

— Подождите минуточку, я вас позову, — и захлопнула дверь прямо у них перед носом.

Рина присела на скамейку, она прекрасно знала, в больнице ожидание – самое обычное дело, а Фёдор прошёлся из конца в конец маленького коридорчика, изучил листовку об опасности венерических заболеваний и СПИДа, и остановился, наконец, у окна.

— Долго ещё? – протянул он, — не кофе же она там варить вздумала? Да и духота тут, хотя бы окно открыли.

Алеут повернул ручку и попытался приоткрыть окно. Его газам предстала наистраннейшая картина. Из окна кабинета забора крови спускалась прямо по отвесной стене женщина с алыми волосами.

— Похоже с нами кое-кто общаться не намерен, но придётся, *devra contre volonté* (вопреки желанию), — воскликнул он, — подхватил Арину и сиганул в окно.

На земле они оказались одновременно. Фёдор толкнул ча-

родейку к себе за спину и проговорил:

— Что же это вы, уважаемая, от пациентов в окно убега-ете?

— Видала я в гробу таких пациентов, — проговорила женщина удивительно мелодичным голосом. Она была невысока ростом, одета в широкие брюки и футболку размера на два больше, нежели ей требовалось. Внимание на себя обра-щали чисто-алые волосы, непослушной копной натуральных кудрей стоявшие вокруг головы и красивое лицо с тонкими острыми чертами. Выглядела она как младшекурсница, — отойди от машины, а то хуже будет.

— Рина, она – вампир, — спокойно и негромко прогово-рил Алеут, — нападёт, не мельтеши и не лезь под руку.

Чародейка слегка отвела взгляд от красной головы и яв-ственно увидела правоту Фёдора. Баба оказалась вампиром. Не то, чтобы она выглядела истлевшим трупом или кровосо-сом из компьютерной игры, просто Рина видела, что Фран-тасьева З. П. – вампир. Как сразу видела, что кошка – это кошка, а пчела – пчела.

Вампирша равнодушно посмотрела на небо и внезапно бросилась на Фёдора. Её движение было настолько стреми-тельным, что Рине показалось, будто она размазалась в про-странстве. Алеут уклонился, в его руках появились уже зна-комые дуэльные пистолеты с серебряными накладками по рукоятям (Должно быть – Лепаж, — не к месту подумалось чародейке).

— Пульки-то хоть серебряные припас? — издевательски поинтересовалась вампирша и снова напала на Фёдора, пытаясь полоснуть по лицу руками с длинными ногтями.

Но рост играл против неё: наклон головы, удар и она снова оказалась вдалеке от возжеленного средства передвижения.

— Получишь — узнаешь, — осклабился Толстой и выстрелил. Он целился по ногам.

Вампирша словно растворилась на секунду, прыгнула с кошачьей грацией, пригнувшись, словно видела летящие пули, и попыталась ударить снизу. Фёдор отскочил, но так, чтобы быть всё время между противником и мотоциклом. Рина поняла, он не хочет убивать её, по крайней мере до того, как медсестра скажет, когда Лобзик приходил сюда сдавать кровь. За всё это время на красивом лице вампирши не дрогнул ни один мускул, оно оставалось спокойным и прекрасным, словно лицо манекена в витрине дорогого магазина одежды. Вампирша бросилась снова, махнула рукой у лица Алеута, уклонилась и вдруг оказалась за спиной Рины, чародейка почувствовала, как чужие пальцы сжали её горло.

— Ну всё, — проговорил мелодичный голос у неё за спиной, — парниша, отойди от моего мотоцикла и убери свои пукалки подальше. Пускай тебе я сделать ничего не могу, но бабёнку твою порву мгновенно.

— Ты чего вообще на нас кидаться стала? — спросил Алеут, но пистолеты убирать не подумал.

— Станешь кидаться, когда тебя начинают убивать! От

вас за версту Гробовщиками разит. Я подумала – казнить пришли.

— Ага, — усмехнулся Алеут, — видать, есть за что!

— Нету, — ответила вампирша, — как раз вот за мной ни одного жмура нет. Да только разве таким, как вы, это докажешь!

— Пойдите, — проговорила Рина, ощутив, как ослабла хватка на её горле, — ни я, ни Фёдор Иванович не имеем никакого отношения к похоронным агентствам. Я – Чародейка Поволжья, разыскиваю пропавшего человека, а вы на нас набросились.

— Поклянись! – потребовала вампирша и чуть кольнула ногтем в шею, — если ты и правда чародейка, поклянись.

— А то ты и так не видишь, — Алеут подошёл и картинно, двумя пальцами отвёл руку вампирши от шеи Рины, — кончай уже комедию ломать. Ошиблась, с кем не бывает.

— Я клянусь, — сказала чародейка, — что я, Арина Вячеславовна Воронцова – Чародейка Поволжья не имела и не имею причины и цели лишать жизни Франтасьеву ...?

— Зинаиду Прокофьевну, — мрачно подсказала вампирша.

— Франтасьеву Зинаиду Прокофьевну, — повторила Рина, — пока она не совершила ничего, нарушающего законов Российской империи.

— Ну теперь твоя душенька довольна? – Фёдор убрал пистолеты.

Вампирша зыркнула на него (её прекрасная маска куда-то испарилась) и сказала:

— Лады, пошли ко мне. Там и покалякаем.

— А вы не боитесь так вот по стенам скакать среди бела дня? – чтобы нарушить неловкое молчание по дороге спросила Рина.

— В колодце безопасно. Тут окна только с чёрной лестницы выходят, а ею редко кто пользуется. Если б кого почуяла постороннего, память подчистила бы. Я ведь, как вы уже изволили догадаться, – вампир, умею людям мозги дурить.

В кабинете забора крови Зинаида облачилась во врачебный халат и спрятала под шапочку алые кудри, превратившись заурядную медсестру.

— У вас своя работа, у меня – своя, — пояснила она переодевание, — валяйте, чего хотели?

Арина обстоятельно, но без излишних подробностей обрисовала ситуацию, подкрепив слова показом компаса с издохшим (на этот раз бесповоротно и окончательно) червяком.

— Естественно, я помню вашего хмыря, — кивнула вампирша, — приходил на днях. Я их братию вижу сразу. Псина – псина вонючая и есть. А этот вздумал мне тут комедию ломать, мол, приезжий из дальней губернии, паспорт якобы у него в поезде карманники украли, а он решил отечеству послужить, кровь сдать. Я послушала-послушала и выдала блохастой твари по первое число. Сказала, что собачья

кровь Российской империи пока что без надобности, чтоб рожи этой небритой я больше в своём кабинете не видела. И припугнула, мол, ещё раз мне на глаза покажешься, лететь будешь ласточкой со второго этажа прямо в окно. Лобзик этот, или как там его, даже извинился. Но кабинет после я полчаса проветривала. Это хуже, чем когда Сергей со скорой покурить забегает.

— И больше вы его не встречали? – уточнила Рина, чувствуя себя в роли следователя из полицейского сериала.

— Нет, после не видала.

Дверь без стука отворилась и заглянул парень в форме Скорой помощи:

— Зинуля, тебе с мясом брать или с капустой? – фамильярно спросил блондин с коротко остриженными волосами.

— Мне – чебурек, — ответила вампирша, — и сгинь, не видишь, у меня люди.

— Ещё один вопрос, — сказала Рина, когда неожиданный посетитель ушёл, — вы приняли нас за каких-то гробовщиков. Кто это?

— Это те, кто казнят нас, когда есть за что, — мрачно проговорила Зина, — да и вас тоже. Знаешь, поди, что с чародеями-отщепенцами делают? – Рина отрицательно мотнула головой, — убивают. Я как на парня твоего глянула, сразу поняла – не человек, на тебе печать государева. Перепугалась, думаю, всё – крышка. Убьют. Мы, вампиры, — изгой и для людей, и для прочих. Хоть и дали нам кое-какие права,

а всё равно, узнает кто — одна дорога уходить, бежать, на новом месте всё начинать заново. Думаешь, мне, чтоб наестся литры крови нужны? Ни фига. Грамм пятьдесят на три дня хватает. Здесь удобно. Приходят всякие: у кого холестерин повышен, кто ещё какой заразой страдает. У одной даже СПИД был. Кровь их для дела не годится, а мне — в самый раз. Хоть холестерин, хоть билирубин, мне вообще все человеческие заразы — по барабану. Телефончик оставь на всякий пожарный. Может, узнаю что или увижу вашу псину.

Арина выполнила просьбу. Они снова оказались ни с чем. Факт, что Лобзик пытался сдать кровь ни к чему их не привёл.

— Кровь к крови, — сказал Алеут, — мы использовали кровь в заклятии, и пришли к донорской станции. Логично. Что дальше?

— Не знаю, — призналась чародейка, — давай домой. Я что-то устала.

— А ты — молодец, — похвалил Фёдор, — не впала в панику, когда Зинаида на нас напала. Хорошо держалась.

— Думаешь, она говорила правду?

— Без сомненья. Лобзик ей даром не нужен, когда под рукой нормальная человеческая кровь.

— Я о другом. О том, что она никого ни разу не убивала.

— Может и так, — подумав, сказал Алеут, — вампиры, наверное, тоже разные. Не все готовы убивать без разбора. Она и нас не собиралась.

— А могла?

— Могла.

Они съели по мороженному, в парке стояла палатка, и в большие рожки накладывали шарики с разными вкусами.

— Как ты думаешь, что случилось с Лобзиком?

Фёдор задумался, потом сказал:

— Его убили.

— Зачем? – Рина цеплялась за последнюю возможность, — кому он нужен. Может, нашёл себе новую подружку?

— Если верить твоему и Зининому описанию, столь ароматному парню сие деяние реализовать сложно, — засмеялся Алеут, — да и от приятелей новые пассии обычно не отворачивают, скорее наоборот – похвалиться тянет, — он стал серьёзным, — понимаешь, если кто-то пропадает без следа, — это очень плохой прогноз. У вас же нет рабства? – чародейка отрицательно покачала головой, — раньше могли в рабство продать, а сейчас — девяносто процентов за то, что Лобзика уже нет в живых.

Уставшая Рина проспала до самого вечера. А вечером к ним появился неожиданный гость, о приходе которого возвестило тарахтение мотоцикла на их тихой улице.

— Не ждали? – спросила с улыбкой вампирша, — и сунула в руки чародейке пакет с банками пива и какими-то сушёными рыбными деликатесами, — вот мимо проезжала.

— Откуда адрес узнала? – подозрительно спросил Фёдор, — не припоминаю, чтобы вам, мадемуазель, мы его го-

ворили.

— По базе данных больницы пробила.

Вампирша скинула джинсовую куртку и прошла в дом.

— А говорят, вроде вампиры без специального приглашения через порог переступить не могут, — заметила Рина.

— Враньё, глупое, бессмысленное враньё. Вот ты можешь, он может, а мы, видите ли – нет, — Зинаида завертела головой, — если б с плохим пришла, может и кольнуло меня где, — она кивнула на паутинки охранных заклятий, — а я ж, так, посидеть.

— С какой это радости я должен распивать низкие напитки с реу сонни вампиром? – Фёдор напустил на себя устало-аристократический вид, который несколько портили шорты и футболка.

— Малознакомым, говоришь, — усмехнулась Зинаида, — так стань хорошим знакомым. У меня, между прочим, родак языками в детстве угнетали, так что словечками своими французским можешь не козырять.

Она выгрузила на стол банки с пивом.

— А к вам я, господа, пришла по нескольким причинам. С какой начать: с главной или второстепенной?

— С второстепенной, — Фёдор взял банку, покрутил в руках, а потом ловко откупорил, — не то я рискую потерять нить повествования. Особы женского пола склонны перегружать свой рассказ ненужными подробностями и отвлекаться по пустякам.

— Хорошо, — согласилась вампирша, — как будет угодно высокому господину. Ты не стесняйся, бери, — она кинула банку чародейке, — причина в том, что с вами я могу быть самой собой. Вы не представляете, как надоело всю жизнь словно шпиону в чужой стране следить за каждым сказанным словом, выражением лица. А вы знаете, кто я. Не шугаетесь, и не кидайтесь ноги целовать. Да, да, в буквальном смысле. Пересеклась однажды с одним извращенцем. Тот вообще хотел, чтоб я его во время секса кусала и кровь пила.

— Интересно, — съехидничал Алеут, — удобно. И обед, и удовольствие.

— Дурак, — кусок сушёного кальмара полетел в голову Фёдора, — тебе б такого. Я, натурально, прогнала уroda, память ему подчистила и припугнула, чтоб других не искал. Из города пришлось уехать.

— Тебе лет сколько? — спросил Фёдор, который собирался обругать пиво, сказав, что им только лошадь поить. Но вопреки ожиданию напиток оказался хорош.

— А тебе? — сощурилась Зинаида, и Рина разглядела, наконец, какие у неё глаза. Они были светло-кариими с тёмными ободками и россыпью мелких коричневых точек.

— Пусть сие останется моей маленькой тайной, — последовал ответ.

— А я скажу, — из чистого противоречия возразила вампирша, — родилась незадолго до начала двадцатого века в Петербурге. Дальше как-нибудь в другой раз.

Арина решила тоже подключиться к разговору.

— Вы кто по профессии?

— Давай без «вы». Когда ко мне молодые девчонки так обращаются, я вообще себя древней старушенцией чувствую. Лады? Я – фельдшерица, как говорили во времена моей молодости. Во время Первой мировой работала с Бурденко.

Она выпила практически залпом свою порцию.

— Потом на Канатчиковой даче служила. А что? Идеальное, между прочим, местечко. Москва-река, парк, из больных – одни умалишённые. Они себя нередко сами травмируют, крови довольно было. Я к тому же пробирки в лаборатории, где анализы делали, мыть подрядилась. Вообще халява.

— Но, поскольку ты оказалась в Междуреченске, что-то пошло не так? – Фёдор зубами разорвал неподатливую упаковку снека.

— В точку, Феденька, — я ведь не ошиблась? Хоть Арина тебя не представила, я слышала, как она к тебе обращалась.

— Может я для кого и Феденька, только не для тебя, — осклабился Алеут, — не заслужила пока ласково по имени ко мне обращаться.

— И как же позволите звать-величать? Ваше превосходительство? Мусью Фёдор? – вампирша тоже за словом в карман не лезла.

— Фёдор, Американец, можно Алеут.

Зинаида раскрыла глаза на всю ширь.

— Тот самый Американец с двумя пистолетами? Не шу-

тишь?

— Правда. Тот самый, — подтвердила Рина, — полковник Преображенского полка и друг Пушкина.

— Здорово. Повезло тебе, Аришка. Такого слугу отхватила.

— Ты про сумасшедший дом не дорассказала, — Фёдор смутился, — хорош мои достоинства при мне обсуждать.

— Так вот, — вампирша потянулась за банкой, — всё зашибись было, пока один псих ясновидящий не попался. Начал всем и каждому на меня пальцем тыкать и кровососской обзывать. Такую бучу поднял, что начальство Гробовщиков вызвало, боялись, что я их контингент прореживаю. Что их прореживать-то было? Без антибиотиков тогда от бронхита и воспаления лёгких только так мёрли. Я подумала, что ничего никому не докажу, и сбежала. И всякий раз так!

— Понятно, — сказала Рина, — а главное, что.

— Я в недавно в центре ещё одного слугу видела, — сказала Зинаида, — не знаете, есть ещё кто-то со слугой?

— Не знаю, — ответила Рина, — вроде отец Викентий упоминал о других чародеях, но Междуреченские они или откуда ещё, не говорил.

— Станным слуга этот мне показался, — продолжала вампирша, — я мимо магазина шла, а он вроде как в машину садился, в «Мазду-6». Это вообще наши логотип разрабатывали, и к марке этой у меня тёплые чувства.

— Ты сказала, вроде садился, — не поняла Рина, — как

это?

— Я вашего брата, — кивок в сторону Фёдора, — печёной чую, особенно в первый раз. Почуяла, обернулась, вижу мужик в машину садится. Я специально мимо прошла, а в машине никого, хотя я точно видела, как он нагнулся, сел и дверь за собой закрыл. Поэтому я полагаю, кто-то его прячет. Или сам он почувствовал интерес и ушёл в духовный план.

— И что такого особенного в чародее со слугой? – Фёдор покровительственно улыбнулся, — может, в гости кто приехал или по делам. А то, что он пропал – похоже на простое совпадение, и никак с пропажей Лобзика не вяжется.

Зина взъерошила чёлку и поглядела на чародейку.

— У тебя Волшебная книга есть?

Арина сказала, что есть, и что они с Фёдором всё про обратных оборотней в ней прочитали.

— Я тоже кое-что по своим каналам поглядела, — сказала Зинаида с видом человека, готового сделать сенсационное заявление, — обратные оборотцы – твари безобидные и бесполезные во всём, кроме одного. Из их мозговой жидкости особое зелье варят. Оно силу волшебника в разы увеличивает.

— Неужели это законно? – возмутилась Рина, — они же, пока в человеческом обличье, людьми считаются!

— Незаконно, ясен пень, — усмехнулась вампирша, — но законы никогда ещё преступников не останавливали. Смотрите, что на круг: чародей, прячущий своего слугу, пропада-

ющие оборотни, из которых получается зелье, нужное чародеям.

— Разве возможность колдовать стоит человеческих жизней, пускай это и не совсем люди!

— Наивная она у тебя, Алеут, — покачала головой Зина, — юношеская дурь в голове. Да сила ваша чародейская – это самое ценное, чем волшебник владеть может.

— Намедни на нас бес напал, — задумчиво проговорил Фёдор, — может, и правда, поблизости объявился некто, кто оборотней отлавливает и на эликсир пускает. И тебя, Рина, пытался убить и силу забрать.

Вампирша посмотрела на Арину:

— Ты, давай, осторожней. Одна никуда не ходи. Либо Алеута с собой бери, либо мне звони. Я на колёсах, отвезу.

Потом вампирша рассказала, что в её районе число оборотней из собак проредилось.

— До нашего разговора я и не задумывалась, — сказала она, — появились, пропали. Не валяются в подъезде – и то хорошо. А теперь вижу, меньше их стало и значительно. Прав Фёдор, похоже их кто-то отлавливает.

Она прошлась по комнате, полюбовалась бабушкиной коллекцией фарфоровых статуэток, потом бухулась на диван рядом с Фёдором, фамильярно хлопнула по колену.

— А, что, Фёдор Иваныч, ты, насколько я помню, любитель в картишки перекинуться?

Рине было неприятно, что Алеут не подумал убирать со

своей ноги узкую ручку с ногтями, слишком длинными для медицинского работника, а вместо этого оживился и ответил в тон:

— От хорошей партейки никогда не откажусь? Во что играем?

— У тебя карты есть? — алая голова повернулась к чародейке.

— Колода Таро вам подойдёт? — Рина злилась, сама не понимала почему, но злилась. Это было похоже на досаду, когда гордый Прохор принялся мурлыкать на руках у чужого ему парня.

— Ха, ха, ха! — скривилась вампирша, — очень смешно. Но, так уж и быть, — тон её внезапно приобрёл мягкость и бесконечную терпимость, — если Аринушка не поняла моего вопроса, я разъясню: нам нужны игральные карты. Это такие картонные кусочки, с одной стороны у них абстрактные узоры — называется рубашкой, а с другой цифры, картинки и значки, обозначающие масть. В карты Таро играть нельзя, они для другого.

На Рину воззрились совершенно невинные глаза на участливой физиономии вампирши.

Фёдор закатился от смеха, а Рина чуть не задохнулась от обиды. Она совсем не представляла, как достойно отбрить вампиршу.

— Здорово, — восхитился Алеут, — где так на училась? С психами?

— Нет, — Зинаида поняла, что перегнула палку, — в гимназии одной на полставки психологом подрабатывала. Контингент сложный был, ко мне хулиганов всяких на беседы направляли, те ёрничали, доставали, как могли. Вот я и придумала такой метод, работает, особенно при свидетелях. Аринка, извини, не удержалась. Ты меня особо не поддевай: злая я и на язык невоздержана. Могу и не нормативно послать.

— Карт у нас в доме нет, — ответила Рина. Она, к своему удивлению, поняла, что просто не в состоянии долго злиться на вампиршу. Её смесь ошеломляющей открытости, наглости вкупе с невинным видом буквально очаровывали, — бабушка азартные игры терпеть не могла.

— Это точно, — подтвердил Фёдор, — Прасковья меня запилила тогда, одних обещаний ей раз пять давал. Только, когда пригрозила зачаровать руку, чтоб карты взять не мог, я воздерживался. Какое-то время.

— Ты про Прасковью Григорьевну? — Зина откинулась на спинку дивана, — знал её?

— Знал, — вздохнул Фёдор, — в дни её молодости. Красавица была, но характер! Врозь скучно, а вместе — тошно.

— Колись, Алеут, у тебя с ней ведь что-то было? — вампирша подалась вперёд, — было ведь? По глазам видно.

Арина встала и решила вмешаться в разговор, ей категорически не хотелось знать, какие отношения связывали её бабушку с Фёдором Толстым по прозвищу Американец.

— Господа, — сказала чародейка холодным спокойным тоном, какой подсмотрела у одной японской сэйю, озвучивавшей императрицу, — время позднее. У нас с господином Толстым завтра много дел, да и вам, Зинаида Прокофьевна к девяти часам на работу.

— Мне – к восьми, — по-кошачьи потянулась вампирша, — у нас планёрка, будь она неладна. Но намёк понят. Пошла я. Она легко вскочила, уцепила последний кусок сушёного осьминога и направилась к выходу.

Уже в прихожей, надевая куртку, она сказала:

— Вы поосторожней. У меня из головы не выходит та странная героическая душа в машине. Разузнайте у своего инквизитора, только не в лоб, а так, вроде бы невзначай.

— Фёдор сказал, что Викентий Константинович – чародей, — рассуждала Рина.

— Ага, — махнула кудрями Зина, — он – чародей, причём оч-чень сильный, как и вся их контора.

— Тогда, может, ты его героическую душу видела? На какой машине он ездит, я не знаю, но по статусу ему вполне «Шестёрка-Мазда» подойдёт. Солидно.

Вампирша задумалась и покачала головой:

— Насчёт авто, врать не буду, не в курсе. Но вот у церковников героические души под запретом. Да им они и не нужны, собственные методы и секреты имеются. Они сами, порой, покруче душ будут. Один мой, — она чуть замялась, а потом широко улыбнулась, — любовник чародействовал

без лицензии. Вот тогда-то я впервые с Инквизицией пересеклась.

— И как? — спросил Алеут. Он стоял в расслабленной позе на крыльце.

— А так, — улыбнулась вампирша. Улыбка её была обидно задорной, напоминающей знаменитую улыбку Одри Хепбёрн, — показания давала, но, как видите, жива пока что. Споки-ноки!

— И тебе, — Рина испытывала облегчение, глядя на удаляющуюся невысокую фигурку.

— Ребят, — обернулась Зинаида уже у самого мотоцикла, — вам доставка.

К их дому подъехал пикапчик с весёлыми снеговичками в фуражках почтовой службы на боку. «Снеговик-почтовик» любили многие жители Поволжья. Они доставляли самые разные посылки: из интернет-магазинов, личные, служебные. Не брезговала служба и привозом еды. Особенно сью снежных почтовиков была сравнительно скромная цена и гарантия получения в определённое, заранее указанное время. Например, обратившись к «Снеговику», заказчик мог быть абсолютно уверен, что его именинный торт прибудет в восемнадцать сорок пять, ни раньше и не позже. За дополнительную плату можно было даже свечи зажжённые получить.

Парень в форменной тужурке и огромной фуражке с кокардой в виде всё того же снеговика ловко припарковался, извлёк из машины синюю коробку со снежинками и потру-

сил к дому.

— Посылочка для Воронцовой Прасковьи Григорьевны!
— радостно провозгласил он и умудрился даже отдать честь,
— извольте получить!

Рина кивнула. Она знала, что бабуля периодически заказывала что-то для дома и хозяйства, поэтому расписалась в листке со множеством фамилий и адресов, забрала коробку и поблагодарила доставщика.

— Что это? — любопытствовал Алеут, через плечо чародейки заглядывая на коробку.

— Не знаю. Бабушка что-то заказала.

— Мы можем заказывать покупки, а не таскаться по магазинам? — Толстой снял резинку с волос и потрянул головой,
— а то это не жизнь: в магазин — своим ходом, готовить — сами, убирать — тоже мы. Как вы вообще без слуг живёте? И не говори мне, что ты ещё и в саду в земле копаешься!

— Копаюсь, — ответила Арина, — извини, но крепостное право ещё в 1861 году отменили. Обходимся своими силами.

— Вот и зря, — себе под нос пробурчал граф.

— Привыкайте, полковник, — улыбнулась Рина, — на каждодневную доставку, приходящих уборщиков, садовника даже моего жалования Чародейки Поволжья не хватит.

В посылке оказался чайник. Красивый такой эмалированный с вделанным свистком и живописными фруктами на белоснежных боках. Ещё в коробке лежала красивая открытка с милой девочкой, читающей книгу в тени цветущей яблони.

Многоуважаемой Прасковье Григорьевне с великой благодарностью и глубоким почтением от Читательской ассоциации Междуреченска.

— Понятно, — вздохнула чародейка, — это бабушке от ассоциации читателей. Она много лет была председателем и пропагандировала чтение книг среди молодёжи.

— Проверь-ка на всякий случай на наличие магии, — предложил Алеут, закидывая пустую коробку за переполненное мусорное ведро.

— Пока я буду по Волшебной книге лазить, ты мусорный пакет завяжи и вынеси к бакам на углу.

— Вот, началось! – театрально заломил руки Фёдор, — командует мною, будто я и вправду родственник, приехавший на чужие харчи. Мусор я не понесу по нескольким причинам. Не буду даже говорить, что не графское это дело – по помойкам ходить. Выносить мусор на ночь глядя – плохая примета. Не слыхала?

— Нет, по-моему, ты на ходу это выдумал.

— Ошибаешься, Ариночка. Примета народная есть: выкинешь вечером мусор из дому, потом в нищете обретаться будешь.

— И давно ты таким суеверным стал? – Арина сполоснула чайник и поставила на плиту, — ладно, поняла. Лень и аристократизм заедают. Про вторую причину очень интересно послушать.

— Тебя одну не хочу оставлять, дурёха. Мало беса в пар-

ке?

Рине было приятно, что Фёдор заботится о её безопасности, поэтому она посмотрело на переполненное пивными банками мусорное ведро, вздохнула и решила выбросить всё утром.

Ритуал по обнаружению враждебной магии на предмете оказался совсем несложным. Девушка легко его осуществила и убедилась, что и чайник, и открытка девственно чисты.

К своему удивлению, Арина обнаружила в своей спальне Фёдора. Героическая душа была в трусах и с пледом в руках.

— Не поняла? – нахмурилась чародейка, — ты чего пришёл?

— Не догадываешься?

— Догадываюсь, но сразу говорю: «Нет. Бесповоротно и окончательно, нет». Никакого интима!

— *Intimité, rapports intimes?* – захохотал Фёдор, — вы много о себе возомнили, госпожа Воронцова-младшая! Не знаю, что ты там себе навоображала, но я здесь с единственной целью – защищать тебя в случае чего. Не доросла ты пока до другого.

— Из бабушкиной спальни защищать не получится?

— Лучше быть рядом. Во сне ты даже позвать меня не успеешь.

Рина обиделась, что её женская привлекательность получила такую низкую оценку, но кивнула на диван.

— Дай хоть простыню, граф я или не граф?

Чародейка покраснела, обругала себя в душе за невнимательность и выдала своей героической душе полный комплект нового постельного белья.

Заснула она быстро. У Рины вообще никогда проблем со сном не было. Перед тем, как заснуть, она слышала, как ворочался Фёдор, укладываясь на жёстком диване.

Разбудил их обоих странный звук. Громыкнуло на кухне внизу.

— Прощка, — сонно проговорила Рина, — опять, гад, по посудным полкам лазит. Уронил что-то. И бухнулась снова на подушку.

— Нет, — негромко проговорил Алеут, — это не кот.

Чародейка откинула назад перепутанные волосы, села и прислушалась. По телу пробежали мурашки. По лестнице кто-то поднимался с мерным негромким позвякиванием. Звук вызывал ассоциацию с рыцарем, закованным в полный доспех. Сабатоны громяхают по ступенькам. Фёдор уже был на ногах. Легко, словно табуретку, он отодвинул диван от стены, велел Рине спрятаться за высокой спинкой и не высовываться. Сам он встал справа от двери. В левой руке засветился призрачным сиянием знакомый пистолет, а правая легла на выключатель. Удар ноги, дверь с треском распаивается, а Алеут одновременно жмёт на выключатель и на курок. Выстрел, грохот.

Рина, естественно, не могла не высовываться и выглянула из-за дивана. У входа в спальню стоял Фёдор с дымящимся

пистолетом в руке, а у его ног валялась груда кухонной утвари.

Вдруг вся эта невообразимая груда пришла в движение в спальне собралось нечто, отдалённо напоминающее человека. словно современный скульптор-авангардист создал арт-объект для рекламы магазина хозтоваров: мощный торс состоял из пустых пивных банок, облепивших глубокий вок. На руки и ноги пошли ковшики, сковородки, кастрюли и другие металлические вещи. Головой служил бабушкин чугунок, в котором она так любила варить борщ, а вместо шлема красовалась знакомая коробка из доставки. Голографическая наклейка горела красным, вызывая неприятное чувство следящего за тобой одним глазом циклопа. Но самыми ужасающими были кисти рук, они целиком состояли из колющих и режущих предметов, ошетилившись шампурами для шашлыка, ножами, вилками. Вход пошли даже металлические ринины палочки для еды и кухонные ножницы.

— Голем, — констатировал Фёдор и материализовал второй пистолет.

Голем махнул рукой в его сторону, но вяло, словно человек с пистолетами был не главной его целью. Уворот и выстрел. Полетели банки от пива, но гиганту, казалось, это ничуть не повредило. Он, тяжело ступая, повернулся к дивану и увидел поспешившую спрятаться девушку.

Замах, и в спинку дивана, а также в стену с силой воткнулись ножи и вилки.

Рина запоздало вспомнила про щит.

Фёдор продолжал стрелять, но выстрелы его особого вреда не несли.

Голем отшвырнул диван и нацелился на скорчившуюся у стены чародейку. Толстой был уже рядом. Удар креслом разнёс половину уroda, с грохотом распавшегося на отдельные предметы. Без верхней части голем нелепо переминался на неуклюжих ногах, ступнями которых послужили старый электрический утюг с волочащимся проводом и утятница.

— За дверь, быстро! — выкрикнул Фёдор, — я пока не знаю, как убить гада.

Рина беспрекословно послушалась, и вдруг её осенило: если перед ними голем, то управляющее заклятие должно быть в голове. На чугушке бабушки — исключено. Оставалась коробка, которую они не проверяли.

— Стреляй в красный глаз, — сказала она, закрывая дверь.

Из спальни донеслось знакомое звяканье — голем притягивал свои части, собираясь в единое целое, потом раздались два выстрела. Последовал звук сгружаемого с самосвала металлолома и всё стихло. Девушка осторожно приоткрыла дверь. Опираясь на подзеркальник, стоял Фёдор, залитый кровью, его левое плечо было основательно рассечено торчавшим в стене кухонным кизлярским ножом, а у его ног валялся поверженный голем.

— Ты была права, — усмехнулся он, хотя и было видно,

что ему очень больно, — мусор всё-таки выкинуть следовало.

Рина не представляла, как остановить кровь у того, кто не являлся человеком, но обладал плотью и кровью. Девушка глубоко вздохнула, взяла себя в руки и постаралась припомнить всё, что им рассказывали на курсах сестёр милосердия в университете. Перекись водорода, хоть и заставила полковника Преображенского полка, известного бретёра совсем по-детски зашипеть от боли, но кровотечение остановилось. Рина подула на порез, совсем как во время практики в 63-ей гимназии подула на шишку, набитую пятиклассником во время перемены. Не хватало лишь приговаривать: «У кошки боли, у собаки боли...».

К её удивлению, порез, довольно глубокий и болезненный на глазах затянулся. Чародейка настояла на повязке, и Алеут стойчески выдержал неумелое бинтование.

Он взял коробку с простреленной голографической наклейкой.

— Умно, расчёт на самую банальную психологию сработал. Кто станет интересоваться коробкой? Бросят в мусорное ведро. С учётом позднего времени суток можно быть уверенным, что мало кто сподвигнется этот самый мусор вынести. Ночью заклятие активируется, и из подручных средств собирается монстр, который должен был перепугать тебя до полусмерти.

Они сидели на кухне, Рина сказала, что ей просто необхо-

дима чашка горячего чая.

— Мне кажется, он собирался меня убить.

— Не думаю, — качнул головой Алеут, — вот бес в парке, да. Этот же — типичное запугивание. Тихо ему было не подобраться. Предполагать, что ты ничего не умеешь, нет оснований. Больше похоже, что кто-то решил дать тебе понять, что пора сменить место жительства. Прав был наш инквизитор, мешаем мы кому-то, Ринка.

На остаток ночи они перебрались в гостевую спальню. Завтра их ждала масштабная уборка и разговор с Викентием Константиновичем. Поиски Лобзика не отменял никто, да и новая героическая душа требовала внимания.

Глава 5 Исчезновение Шляпочки

Отец Викентий ответил на звонок после четырёх гудков. Он выслушал просьбу о встрече и сказал, что закончит дела и будет ждать их в Городском парке около музыкального фонтана в одиннадцать часов.

— Мог бы и в ресторацию пригласить, — заметил Фёдор, метко послав упаковку от съеденного эскимо в урну.

— В ресторан в наше время по вечерам ходят, — ответила Рина, она ещё и половины своего мороженого съесть не успела, — у нас сугубо деловой разговор намечается. Да и Викентий Константинович – не тот человек, с которым я мечтаю посидеть в ресторане.

Алеут вспомнил неприятный взгляд из-за сильных очков в массивной оправе, кислое выражение лица инквизитора и согласился.

Викентий Константинович сидел на лавочке в тени отцветших кустов сирени и наблюдал, как толстенный карапуз пытается наступать на отверстия для струй фонтана.

Музыкальный фонтан являлся предметом законной гордости междуреченцев, его открытие удостоилось показа по 1 Императорскому каналу телевидения. Днём это была просто плита, из которой били разновысотные струи воды. Но вот вечером, струи фонтана окрашивались нежнейшей подсветкой, а высота струй изменялась в такт музыки. Сейчас

музыка не играла, а мокрый малыш упорно пытался угадать, откуда выплеснется следующая струя.

Когда Рина со своей героической душой подошла к скамейке, мамаша утащила вопящее от возмущения чадо прочь. Инквизитор сидел, оперевшись на старомодную трость, совсем как Пуаро в английском телесериале. Только оголовье его трости представляло из себя не изящную голову лебедя, как у знаменитого сыщика, а вытянутую хищную морду борзой собаки. Почувствовав приближение чародейки, он повернулся к ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.